

НАТАЛИ МОРРОУ

A movie poster featuring a close-up portrait of a woman with long, wavy brown hair and blue eyes. Her face is split vertically down the middle by a jagged, torn-paper-like edge. The left side of her face is in sharp focus, showing her eye and features clearly. The right side is blurred and distorted with horizontal streaks, creating a sense of motion or a fractured reality. The background is dark and moody.

КЛЭР

ЖИЗНЬ. КОТОРУЮ ОНА ЗАБЫЛА

Натали Морроу

Клэр. Жизнь, которую она забыла

«Автор»

2026

Морроу Н.

Клэр. Жизнь, которую она забыла / Н. Морроу — «Автор», 2026

Клэр живёт спокойной жизнью. Работает в библиотеке, встречается с родителями, позволяет подруге устраивать ей свидания и старается не обращать внимания на людей, которые иногда смотрят на неё чуть дольше обычного. В её прошлом нет ничего, о чём стоило бы говорить. По крайней мере, именно это ей всегда говорили. Но затем Клэр находит документы, которые кто-то аккуратно опустошил. Фотографии, которых не должно существовать. И адрес на Уиллоу-стрит, вызывающий у её родителей слишком сильный страх. Чем ближе Клэр подходит к правде, тем меньше узнаёт собственную жизнь. Потому что некоторые воспоминания исчезают не случайно. Иногда человек забывает именно то, что не смог бы пережить дважды.

© Морроу Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Клэр	6
Глава 2. Почти настоящая жизнь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Натали Морроу

Клэр. Жизнь, которую она забыла

Пролог

Клэр не помнила, как оказалась снаружи. Она помнила только, как кто-то пытался взять её за руки. Они были покрыты сажей.

Кровью.

И чем-то ещё. Она прижимала их к груди и повторяла одно и то же:

— Я успела.

Сначала тихо. Потом громче. Потом почти спокойно.

— Я успела.

Люди смотрели на неё так, будто она сказала что-то ужасное. Но Клэр знала: ужасное уже осталось позади. Она добралась до них первой.

Глава 1. Клэр

В то утро Клэр проснулась раньше обычного. Солнце было прямо в лицо, настойчиво и почти невежливо, будто день начался без её разрешения. Свет уже добрался до комода и скользил по листьям цветов на подоконнике. Тонкие тени дрожали на стене от воздуха из приоткрытого окна.

Она полежала ещё немного, слушая, как просыпается улица. Где-то закрыли дверцу машины. По тротуару прокатился мусорный бак. Кто-то вывел собаку. Район жил привычно, как место, где годами мало что меняется.

Клэр села, провела ладонью по лицу и убрала волосы назад. На свету они казались почти белыми — холодного оттенка, без прежнего тёплого цвета. Ночью рассыпались по подушке, а теперь легли на плечи.

Она накинула тонкий халат и встала. Пол под ногами был прохладным. Спускаясь вниз, она машинально коснулась перил, как делала каждое утро. Дом был небольшим, тихим, слишком аккуратным для человека, который жил один. На кухонном столе стояла ваза с белыми цветами, уже немного раскрывшимися от тепла. Вчера вечером она поставила их в воду и забыла подрезать стебли. Рядом лежала книга, перевернутая страницами вниз, и очки, которые она сняла перед сном.

За окном была улица, созданная для спокойной жизни: невысокие дома, старые деревья, чистые дорожки. Женщина напротив поливала цветы на крыльце. Чуть дальше мальчик медленно ехал на велосипеде, лениво виляя рулём. За это Клэр и любила район. Здесь даже день заранее знал, как ему пройти.

Чайник она поставила сразу, ещё не включая верхний свет. Кухня и без того была полна утра. Пока вода грелась, она открыла шкаф и достала чашку. Телефон, оставленный на столешнице, коротко завибрировал.

Мама.

Клэр не стала открывать сообщение сразу. Налила воду, опустила в чашку пакетик чая и дождалась, пока тёмная струя разойдётся в прозрачности. Только потом разблокировала телефон.

«Не забудь, я заеду за тобой в одиннадцать. Надень синее. Оно лучше».

Клэр невольно улыбнулась. Это было в духе матери. Не спросить, что она наденет, а сразу решить за неё. С таким подходом свидание уже переставало быть личным делом Клэр.

Она поднесла чашку к губам. Дом родителей был всего на соседней улице. Если выйти через заднюю калитку и пройти мимо двух одинаковых клёнов, можно было дойти за три минуты. Иногда ей казалось, что мать чувствует её пробуждение раньше будильника. Телефон снова завибрировал.

«И поешь что-нибудь до выхода».

Клэр покачала головой и отложила телефон. На столе лежал тостовый хлеб, но есть не хотелось. Внутри была знакомая лёгкая собранность, которая приходила перед любым событием, даже самым обычным. Не тревога. Скорее ощущение, что день уже немного сдвинулся со своего привычного места. Она допила чай и поднялась наверх.

Шкаф в спальне был открыт ещё с вечера. На дверце висело зеркало в полный рост. Клэр остановилась перед ним дольше, чем собиралась. У неё было узкое миловидное лицо, светлая кожа и карие глаза, которые казались темнее рядом с почти белыми волосами. Высокие скулы придавали ей строгость, хотя по-настоящему строгой она бывала редко. В ней не было яркой красоты, которую замечают сразу. Скорее собранность: в лице, движениях, привычке не задерживать взгляд на людях слишком долго.

Она достала синее платье. Мать была права. Оно шло ей лучше других. Ткань мягко легла по фигуре, подчеркнула талию и открыла руки чуть выше локтя. Клэр повернулась боком, разгладила ладонью складку на бедре и только потом увидела то, что видела всегда. След на внутренней стороне левой руки.

Старый. Светлый. Неровный. Издалека едва заметный, но вблизи его трудно было не увидеть. Он не уродовал руку. Просто нарушал линию кожи. Маленькая ошибка там, где всё должно было быть гладким.

Клэр провела по нему пальцами и сразу убрала руку. Она не любила открытые платья именно из-за этого, хотя никогда никому не объясняла. Если кто-то задерживал взгляд на её руке чуть дольше, внутри всё сжималось. Не от стыда. От необходимости отвечать на вопрос, к которому у неё самой не было ответа.

Она открыла ящик комода, достала крем и втерла его в кожу. С раздражением. Крем, конечно, ничего не менял. Клэр вернула тубик на место и поправила платье. Платье было хорошим.

Волосы стоило собрать. Или оставить распущенными, только убрать пару прядей у лица. Серьги или без них. Она потянулась к шкатулке, и в этот момент внизу хлопнула входная дверь. Клэр замерла. Потом услышала голос матери.

— Клэр? Я только на минуту. Дверь была не заперта.

Она закрыла глаза.

— Конечно. На минуту.

Мать вошла так, как входила всегда: без лишнего шума, но с уверенностью человека, который слишком давно знает этот дом. Внизу она поставила сумку на стул и задержалась на кухне. Наверняка уже заметила чашку, хлеб, открытую банку мёда и вазу с цветами. Потом шаги приблизились к лестнице.

— Я правда только на минуту, — сказала Элейн, поднимаясь. — Просто решила, что так будет проще. И потом, я знала, что ты ещё не готова.

Клэр повернулась к двери.

— Мама, у меня есть ключи, телефон и способность одеваться без посторонней помощи.

Элейн появилась в проёме с той заранее подготовленной нежностью, против которой трудно было злиться в полную силу. Светлый жакет, тонкий шарф, аккуратные серьги. Седые волосы лежали идеально, будто утро вообще не имело к ней отношения.

— Я и не сомневалась в твоих способностях. Я просто заехала пораньше.

Она вошла в комнату, оглядела Клэр, платье, кровать, открытую дверцу шкафа и только потом подошла ближе.

— Синее и правда лучше.

Клэр едва заметно выдохнула.

— Ты уже сообщила мне об этом.

— И правильно сделала.

Элейн остановилась рядом.

— Оставишь распущенными?

— Пока не решила.

— Распущенные тебе идут больше.

Клэр бросила взгляд в зеркало. Рядом с матерью она всегда сильнее замечала собственное лицо. Элейн ничего не делала специально, но при ней каждая складка платья и каждая пауза казались заметнее.

— Это просто ужин, — сказала мать, продолжая разговор, который, кажется, давно уже вела у себя в голове. — Не собеседование и не катастрофа.

— Я знаю.

— Хорошо.

Лицо Элейн на мгновение изменилось, когда она увидела левую руку. Она сразу отвела глаза, но Клэр заметила. Клэр тут же потянулась к стулу за тонким светлым кардиганом.

— Тебе холодно? — спросила Элейн.

— Нет.

— Тогда зачем это?

— Просто так.

Элейн ничего не ответила и подошла к окну. С улицы в комнату лился ровный свет. За белой оградой соседка уже убрала лейку и стряхивала воду с пальцев. День разворачивался без малейшего интереса к тому, что происходило в спальне Клэр.

— Ты поела? — спросила мать, не оборачиваясь.

Клэр тихо усмехнулась.

— Я получила твоё сообщение.

— Это не ответ.

— Нет.

— Тогда спустимся, и я хотя бы сделаю тебе тост.

— Мама.

— Что мама? Ты нервничаешь и не ешь, когда нервничаешь.

— Я не нервничаю.

— Конечно.

Спорить с таким тоном было бесполезно. Мать уже всё решила и ждала, когда Клэр догонит её решение. Она медленно провела щёткой по волосам. В зеркале Элейн стояла у окна, сложив руки на груди, и делала вид, что её интересуют соседские цветы.

— Как его зовут? — спросила Элейн.

— Мама.

— Я просто спросила.

— Адам.

— Адам, — повторила она, пробуя имя на слух. — Он симпатичный?

— Я видела только фотографию.

— И?

Клэр положила щётку.

— И он похож на человека, который умеет нормально сидеть за столом и не говорит о криптовалюте через семь минут после знакомства.

Элейн рассмеялась. Смех у неё был тихий, девичий, и странно не совпадал с собранным лицом.

— Уже неплохо.

— Да. Планка не то чтобы высокая.

Мать села на край кровати, всё ещё с видом женщины, которая зашла буквально на минуту. Она оглядела шкапулку, крем на комод, платье и складку у бедра, которую Клэр опять одёрнула без причины.

— Ты красивая, — сказала Элейн вдруг.

— Это ты к чему?

— Ни к чему. Просто сказала.

Она улыбнулась, но устало. Клэр отвернулась к зеркалу и взяла серьги.

— Ты всегда начинаешь говорить странные вещи, когда волнуешься.

— А ты всегда сразу это замечаешь.

— Потому что ты делаешь это не очень тонко.

Элейн сложила руки на коленях. Красивые, ухоженные, неподвижные.

— Я просто хочу, чтобы тебе было хорошо.

Клэр вставила одну серьгу и замерла. Эту фразу мать повторяла часто — в разных комнатах, в разные дни, с разными интонациями. Сегодня она легла тяжелее обычного. Слишком много заботы для простого ужина. Слишком много просьбы для простой фразы.

— Мне и так нормально, — сказала Клэр.

— Я знаю.

Голос у матери стал тише. Клэр поняла, что они снова говорят не совсем о свидании. С улицы донёлся детский смех. Резкий, короткий, самый обычный. Клэр сначала даже не повернула головы. А потом по плечам прошла мелкая дрожь. Она нахмурилась и повернулась к окну.

— Что такое? — сразу спросила Элейн.

— Ничего.

— Ты побледнела.

— Просто сквозняк.

Мать встала слишком быстро.

— Я закрою окно.

— Не надо.

Резко. Громче, чем нужно. Они обе замерли. Клэр первой отвела взгляд и добавила спокойнее:

— Здесь не душно. Пусть будет открыто.

Элейн медленно кивнула. В её лице появилась осторожность.

— Хорошо, — сказала она. — Как скажешь.

Клэр взяла с комода флакон духов, брызнула на запястья и сразу растёрла их. Тёплый, сухой, чуть пудровый запах лёг на кожу. Она пользовалась им давно. Он стал частью её привычного образа: светлые волосы, ровный голос, спокойное лицо, умение улыбнуться вовремя. Внизу коротко зазвонил телефон Элейн. Она проверила экран и сразу убрала телефон в сумку. Лицо едва заметно изменилось, и Клэр это уловила.

— Папа? — спросила она.

— Да.

— Что-то случилось?

— Нет. Ничего.

— Он просто так тебе не звонит, когда ты у меня.

Элейн расправила складку на жакете.

— Он спросил, во сколько мы выезжаем.

— Он всегда так делает, когда что-то случилось.

— Клэр.

— Я просто сказала.

Мать поднялась с кровати.

— Он заедет позже. Посмотрит твою заднюю дверь. Ты говорила, что замок иногда заедает.

Клэр нахмурилась.

— Я этого не говорила.

Элейн замолчала. Всего на секунду. Этого хватило.

— Значит, он сам заметил, — сказала она. — Ты же знаешь отца.

Клэр смотрела на мать через зеркало. Да. Она знала отца. Именно поэтому пауза ей не понравилась.

Клэр первой вышла из комнаты, взяла с тумбочки телефон и по привычке проверила, не забыла ли ключи. Элейн спустилась следом, поправляя на ходу ремешок сумки и бросая быстрые взгляды по сторонам. Даже в доме Клэр она всё время что-то проверяла. Стол. Лестницу. Открытое окно. Чашку на кухне.

На кухне мать сразу потянулась к хлебу.

— Я сделаю тебе хотя бы один тост.

— Не надо.

— Надо.

Клэр уже знала этот тон. Мягкий, спокойный, окончательный. После него спорить было утомительнее, чем согласиться. Она прислонилась бедром к столешнице, пока мать доставала тарелку, нож и масло. Всё быстро, ловко, без лишних движений. Этот ритуал принадлежал Элейн так же естественно, как её шарфы, короткие звонки и привычка замечать слишком много.

— Ты даже не спросила, хочу ли я есть.

— Если бы ты хотела, ты бы уже что-нибудь съела сама.

Клэр коротко усмехнулась.

— Логично.

Из кухонного окна был виден белый забор соседей и верхушка старого дерева, которое летом закрывало свет после обеда. Где-то дальше хлопнула дверца машины. Элейн поставила перед ней тарелку.

— Хотя бы половину.

Клэр взяла тост. Есть по-прежнему не хотелось, но спорить из-за хлеба было бы глупо.

— Спасибо.

Мать кивнула, будто только что выиграла маленькую, но важную войну. Они вышли через несколько минут. Клэр закрыла дверь, дважды проверила ручку и задержалась на крыльце. Улица уже вступила в день: мужчина на соседнем участке разматывал шланг, кто-то вытаскивал из багажника бумажные пакеты, по тротуару шла женщина с коляской. Район оставался спокойным, чистым и чуть сонным. Дома стояли близко, но между ними хватало воздуха и света. На крыльцах цвели горшки, на ступеньках сушились детские кроссовки.

Элейн открыла машину и положила сумку на заднее сиденье.

— Сначала кофе, — сказала она. — Потом поедem дальше.

— Разве мы не опоздаем?

— Нет. У нас полно времени. И тебе нужен кофе.

— Тебе просто нужен кофе.

— И мне тоже.

Клэр села рядом. В машине пахло кожей, мятными конфетами из подстаканника и сладковатыми духами Элейн, которые она не меняла много лет. Мать завела двигатель, включила музыку и сразу сделала тише, затем выехала с обочины. Клэр отвернулась к окну. За стеклом медленно поплыли знакомые дома, почтовые ящики, углы газонов, клумбы, короткие подъездные дорожки. Этот кусок города она знала слишком хорошо, чтобы рассматривать его всерьёз. Он давно стал фоном: собственная улица, утренний свет, отражение в зеркале.

Когда машина выехала на широкую дорогу, мужчина на остановке посмотрел на Клэр чуть дольше обычного. Потом женщина у перехода. Ничего особенного.

Раньше это раздражало её сильнее. Потом она пыталась понять. Потом привыкла. Люди смотрят. Иногда ей казалось, что она сама слишком остро это ловит; иногда — что давно научилась не замечать.

— Ты опять где-то не здесь, — сказала Элейн, не отрывая взгляда от дороги.

— Я здесь.

— Тогда скажи что-нибудь.

— Что именно?

— Не знаю. Что ты думаешь про Адама.

Клэр усмехнулась.

— Я думаю, что он согласился встретиться в нормальном месте, а не позвал меня на крышу с видом на город. Уже неплохо.

— Ты стала слишком строгой.

— Нет. Просто устала от людей, которые стараются быть интереснее, чем они есть.

Элейн коротко рассмеялась.

— Это звучит так, будто тебе не сорок один, а все шестьдесят.

— Спасибо.

— Я не это имела в виду.

На светофоре у угла стояла молодая женщина с мальчиком лет пяти. Он держал её за руку и наступал на каждую тёмную трещину в плитке, следуя каким-то своим правилам. Лицо Клэр смягчилось раньше, чем она это заметила. Загорелся зелёный, и машина поехала дальше. Элейн промолчала. Но, конечно, всё заметила.

Кофейня была недалеко, на углу перед торговым рядом. По утрам там былолюдно, но без суеты: кто-то брал стакан навывнос, кто-то работал у окна, кто-то просто листал телефон. Элейн припарковалась чуть поодаль и заглушила машину.

— Ты идёшь?

— Конечно.

— Хорошо. А то ты сидишь с таким лицом, словно я везу тебя не за кофе, а к стоматологу.

— Мама, ты везёшь меня в молл перед свиданием. Это почти одно и то же.

Элейн улыбнулась и вышла первой. На парковке уже было тепло. Клэр пошла рядом с матерью к двери кофейни. В стекле на секунду отразились они обе: Элейн — собранная и прямая, Клэр — в синем платье, с кардиганом через руку и слишком светлыми волосами.

Внутри пахло кофе, молоком и свежей выпечкой. За стойкой девушка в чёрной футболке быстро называла заказы. У окна смеялись две студентки. Мужчина в светлой рубашке листал новости, не прикасаясь к своему стакану.

— Я возьму тебе латте, — сказала Элейн. — И что-нибудь маленькое. Не спорь.

Клэр уже открыла рот, но только качнула головой.

— Ладно. Что-нибудь маленькое.

Пока мать стояла у кассы, Клэр отошла к витрине. У окна маленькая девочка в жёлтом свитере показывала отцу на пирожное с клубникой. Девочка стояла на цыпочках. Отец не торопил её, не улыбался снисходительно, не смотрел поверх головы. Просто слушал. В этой крошечной сцене было столько чужого, обычного тепла, что у Клэр неприятно кольнуло под рёбрами.

— Клэр.

Она обернулась. Элейн уже ждала её с двумя стаканами в руках.

— Пойдём. Снаружи свободный столик.

Клэр кивнула и ещё раз, уже мимоходом, посмотрела на девочку у витрины. Та смеялась, прижимая к груди салфетку, в которую отец завернул ей что-то сладкое. Всего секунда. Потом Клэр отвернулась и пошла к двери вслед за матерью. Они заняли маленький столик у окна. Элейн сняла крышку со стакана и осторожно подула на кофе.

За стеклом двигалась улица. Машины медленно проходили перекрёсток, кто-то торопился с бумажным пакетом под мышкой, кто-то разговаривал по телефону.

— Нормально? — спросила Элейн.

— Нормально.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что обычно так и есть.

Элейн покачала головой и сделала маленький глоток.

— Я всё равно не понимаю, почему ты идёшь на свидание с таким лицом. Будто тебя отправляют на принудительные работы.

— Потому что это почти они и есть.

— Клэр.

— Я просто иду ужинать с незнакомым мужчиной. Всё, что я о нём знаю, Меган вытащила из анкеты, двух фотографий и своей патологической любви всё проверять.

Уголок рта Элейн дрогнул. Меган работала с Клэр три года и успела стать самым близким человеком в её нынешней жизни, если не считать родителей. Она говорила быстро, смеялась легко и умела втянуть Клэр в разговор даже тогда, когда та не собиралась ни с кем разговаривать. Именно Меган решила, что маршрут дом, работа, мать и обратно пора встряхнуть.

— Иногда и этого достаточно, — сказала Элейн.

— Ты говоришь так, будто сама веришь в современные знакомства.

— Я верю в то, что людям иногда стоит выходить из дома не только за книгами и кофе. Клэр чуть повернула стакан в ладонях. Крышка была горячей, но не обжигающей.

— Я и так выхожу из дома.

— На работу, в магазин и ко мне не считается.

— Очень удобно. Значит, полжизни можно просто вычеркнуть.

Элейн собиралась ответить, но дверь кофейни открылась, впуслав полосу света и быстрый смех. Вошла Меган, одной рукой придерживая дверь, другой — маленькую девочку в светлой джинсовой куртке. Та заметила их сразу.

— Ну конечно, — сказала она, подходя ближе. — Я так и знала, что встречу тебя именно здесь.

— Ты говоришь это так, будто я живу в этой кофейне.

— Не живёшь. Но могла бы.

Меган выглядела как всегда: живая, чуть растрёпанная, с кое-как собранными волосами, большой сумкой на плече и телефоном в руке. Девочка подняла лицо, увидела Клэр и тут же просияла.

— Тётя Клэр.

Она вырвалась из руки Меган и подбежала к ней с той прямой детской решительностью, от которой у взрослых обычно не остаётся времени подготовиться. Клэр едва успела поставить стакан на стол, как маленькие руки уже обхватили её за талию.

— Привет, — сказала она, улыбнувшись, и наклонилась к девочке. — А ты почему не в садике?

— У нас сегодня выходной, — ответила за неё Меган. — Точнее, у неё выходной. У меня нет.

— У меня особенный день, — важно сказала девочка.

— Особенный день, — поправила Меган. — Ей разрешили самой выбрать маффин.

Девочка, не отходя от Клэр, подняла на неё серьёзные глаза.

— С шоколадом.

— Это мощное решение, — сказала Клэр.

Девочка кивнула. Именно такой реакции она и ждала. Элейн наблюдала за ними с лёгкой улыбкой.

— Сколько ей уже? — спросила она.

— Шесть, — сказала Меган. — И с каждым днём она всё больше уверена, что ей как минимум десять.

— Шесть с половиной, — уточнила девочка, всё ещё держась за Клэр.

— Конечно, — сказала Элейн. — Это меняет дело.

Меган поставила сумку на свободный стул.

— Ты очень красивая сегодня. Это свидание, да?

Клэр закатила глаза.

— У меня ощущение, что об этом уже знает полгорода.

— Пока только я, твоя мама и, возможно, девушка за стойкой. Но день ещё молодой.

— Спасибо, Меган.

— Всегда пожалуйста.

Девочка забралась на соседний стул коленями и не сводила с Клэр глаз.

— У тебя волосы как у принцессы, — сказала она вдруг.

Меган вздохнула.

— Эви.

— Что? — Эви явно не понимала, в чём проблема.

Клэр рассмеялась.

— Это очень щедро с твоей стороны.

— Это правда, — уверенно сказала Эви.

Клэр протянула руку и поправила ей съехавший рукав. Девочка тут же доверчиво прижалась к её плечу.

— Я вообще-то хотела просто взять кофе и тихо уйти, — сказала Меган. — Но у Эви был другой план.

— Я выбрала тётю Клэр, — сказала Эви.

— Это очевидно, — сказала Элейн.

— Я не возражаю, — ответила Клэр.

Меган села, откинула волосы с лица.

— Я не спала почти всю ночь. Эви решила срочно обсудить, почему звёзды не падают на землю каждую минуту.

— Потому что тогда было бы страшно, — сказала Эви с полным спокойствием человека, который уже всё решил.

— Вот. У неё и теория была готова, — сказала Меган. — Моя задача состояла в том, чтобы слушать и не умереть в три утра.

— Тебе нужен кофе покрепче, — сказала Клэр.

— Мне нужен отпуск. Но кофе тоже подойдёт.

Элейн подвинула к ней салфетки.

— Ты выглядишь хорошо.

— Это потому, что я ещё не смотрела на себя при дневном свете, — сказала Меган.

Эви уже расстегнула свою маленькую сумочку и с серьёзным видом выкладывала на стол сокровища: две резинки, смятый фантик, маленькую фигурку кота и розовый мелок без обёртки.

— Это всё нужно? — спросила Клэр.

— Конечно.

— Для чего?

Эви задумалась.

— На всякий случай.

— Убедительно.

Эви улыбнулась так широко, что Клэр улыбнулась в ответ раньше, чем успела подумать. Элейн повернулась к Меган.

— Так это ты отравила её сегодня на свидание?

— Я не отправляла, — сказала Меган. — Я лишь мягко подтолкнула обстоятельства в правильную сторону.

— Это теперь так называется?

— Да. И я предпочитаю именно эту формулировку.

Клэр покачала головой.

— Удивительно, как вы обе умудрились объединиться против меня.

— Никто не против тебя, — сказала Элейн.

— Даже наоборот, — добавила Меган. — Мы за твою личную жизнь.

— Мне нравится, как вы это произносите. По-вашему, моя личная жизнь потерялась где-то между отделом сумок и косметикой.

— Иногда так и бывает, — сказала Меган.

— Нет, правда, — сказала Элейн уже мягче. — Тебе полезно иногда выходить из привычного круга.

Клэр промолчала. За окном люди входили в кофейню и выходили, кто-то разговаривал по телефону, кто-то нёс стакан обеими руками, всё ещё не до конца проснувшись.

— Я выйду на минуту к стойке, возьму Эви её маффин, — сказала Меган. — Если я не принесу обещанное, дома меня лишат уважения.

— С шоколадом, — напомнила Эви.

— Да, ваше высочество.

Меган ушла, а Эви осталась рядом с Клэр. Она уже залезла ей под руку и внимательно разглядывала её серьги.

— Они настоящие?

— Смотря что ты имеешь в виду.

— Ну, они блестят по-настоящему?

— Думаю, да.

Эви удовлетворённо кивнула и прижалась головой к плечу Клэр — без спроса, с детской уверенностью, которой не нужно разрешение. Элейн смотрела на них поверх стакана и молчала. Клэр знала, что мать наблюдает, но не подняла головы. Только придержала девочку, чтобы та не соскользнула со стула.

— Ты добрая, — сказала Эви совсем просто.

Клэр повернулась к ней.

— С чего ты взяла?

— Потому что у тебя лицо доброе.

Элейн выдохнула — едва слышно. Клэр всё равно уловила. Через минуту вернулась Меган с бумажным пакетом и маленьким соком.

— Вот. Мы спасены.

Эви тут же оживилась, выпрямилась и занялась маффином с серьёзностью хирурга.

— Ты точно в порядке?

— Да.

— Я знаю это твоё «да».

— И что в нём не так?

— Обычно в нём только половина правды.

Элейн отвернулась к окну. В разговор она не вмешалась, но слышала каждое слово. Клэр улыбнулась уголком рта.

— Сегодня там хотя бы больше половины.

— Уже прогресс, — сказала Меган.

Они посидели ещё немного. Говорили о библиотеке, перепутанных коробках, школьном утреннике Эви и погоде. На несколько минут эта обычность сработала лучше любого успокоительного. Когда они поднялись, Эви снова подбежала к ней и обняла напоследок, липкими от шоколада пальцами цепляясь за ткань платья.

— Пока, тётя Клэр.

— Пока.

— Ты потом расскажешь, как прошло свидание?

Меган сразу рассмеялась.

— Эви.

— Что? Мне интересно.

Клэр кивнула.

— Может быть, расскажу.

— Только если он нормальный, — сказала Эви.

— Это главное условие, — ответила Клэр.

Они попрощались у машины. Меган усадила Эви, поправила её куртку и напомнила Клэр, что завтра потребует отчёт о свидании. Кофе, утро, шоколадные крошки на детских пальцах — всё выглядело спокойно и просто. Иногда именно таким минутам было опаснее всего верить. Элейн дождалась, пока они сядут в машину, и только тогда завела двигатель.

Некоторое время они ехали молча. Город скользил мимо витринами, перекрёстками и людьми с пакетами. Солнце стало ярче и жёстче. Элейн включила поворотник и, не глядя на Клэр, сказала:

— Эви тебя обожает.

— Она просто добрая.

— Нет. Дети не ко всем так идут.

Клэр промолчала. Она и сама знала: дети тянулись к ней легче, чем взрослые. Не искали объяснений, не требовали правильных слов. Просто подходили и доверяли. От этой мысли становилось тепло и не по себе.

Машина свернула к торговому центру. Парковка была заполнена. К входу шли подростки со стаканами, молодые матери с колясками, пожилые пары. Элейн припарковалась ближе ко входу и выключила двигатель.

— Я всё ещё считаю, что тебе нужны те бежевые лодочки, — сказала она.

— Ты ещё даже не видела остальные.

— И что.

Клэр улыбнулась.

— У тебя удивительный талант принимать решения за других.

— Это не талант. Это опыт.

В молле было прохладно. Воздух пах новыми вещами, духами, кофе и лёгкой пылью больших помещений. Манекены стояли в идеальных позах, демонстрируя жизнь, которая за стеклом всегда выглядит убедительнее. Элейн давно решила, какие магазины им нужны. Клэр шла чуть позади. Ей нравилась здешняя простая система: идти, выбирать, мерить, платить, выходить. Почти отдых.

Обувной магазин был пуст. Женщина у дальнего зеркала примеряла босоножки с сосредоточенностью, словно решала важный жизненный вопрос. Молодая продавщица в чёрной форме сразу подошла к ним.

— Чем я могу помочь?

— Нам нужны туфли, — сказала Элейн. — На вечер.

— На свидание, — сказала Клэр раньше, чем успела передумать.

Девушка улыбнулась.

— Тогда нам точно нужно что-то хорошее.

Через несколько минут вокруг стояли коробки. Клэр примеряла пары одну за другой, вставала, проходила к зеркалу и снова садилась. Бежевые действительно были лучше: простые, тонкие, без лишнего. В них всё становилось собраннее. Она подумала, как странно женщина готовится к вечеру — собирает себя по частям.

Волосы. Кожа. Платье. Обувь. Духи. Тон голоса. Выражение лица.

Будто можно сложить из всего этого версию, которую легче показать другому человеку.

— Эти, — сказала Элейн.

— Я ещё не все померила.

— Эти всё равно лучше.

В зеркале мать казалась женщиной, у которой всё давно разложено по местам. Только рядом становилось видно, сколько усилия уходит на эту собранность.

— Иногда мне кажется, тебе просто нравится командовать, — сказала Клэр.

— Мне нравится, когда можно сократить путь к очевидному.

Клэр усмехнулась и сделала ещё несколько шагов. В зеркале мелькнула женщина, которая могла вечером сидеть напротив красивого мужчины, улыбаться в нужных местах и выглядеть нормальной. Почти нормальной. От этого слова сразу стало теснее. Она села и расстегнула ремешок. В соседнем ряду молодая мать застёгивала на дочери сандалию. Девочка что-то рассказывала, размахивала руками, сбивалась на смех и начинала заново.

Девочка поставила ногу на колено матери и тут же потянулась к её волосам, что-то показывая липкими пальцами. Мать рассмеялась, поймала её ладонь, поцеловала в костяшки и снова вернулась к сандали. Обычная сцена. Пять секунд чужой жизни. И всё равно в груди у Клэр что-то заняло. Она отвела глаза и потянулась за следующей коробкой.

Чужое счастье всегда выглядело проще. Люди рядом с детьми казались ей особенно уверенными в мире. Они касались друг друга свободно, смеялись без оглядки, поправляли воротники, завязывали шнурки, вытирали испачканные рты салфетками. Всё это делалось на ходу, легко, без доказательств. Клэр смотрела на такие сцены со стороны, без зависти, скорее с тихим недоумением. Как смотрят в окно чужого дома, где вечером горит тёплый свет.

— О чём ты думаешь? — спросила Элейн.

Клэр подняла голову.

— Ни о чём.

— Это тоже обычно означает что-то.

— Удивительно, как мало ты веришь в простые ответы.

Элейн выдержала её взгляд.

— Я верю. Просто не всегда.

Клэр опустила глаза к туфлям. Адам, наверное, заметит то же, что мужчины обычно замечают в первые полчаса: волосы, глаза, платье. Может, это даже к лучшему. Поверхность выдерживать проще. Но где-то глубже уже шевелилась другая мысль. А если он окажется хорошим. По-настоящему хорошим.

Не терпимым, не вежливым, не очередным мужчиной, с которым нужно просто пережить ужин. А таким, рядом с которым придётся не защищаться, а быть живой. Говорить не только правильные слова. Смеяться не там, где положено. Не успевать закрыть лицо вовремя. Эта мысль не испугала её. Скорее остановила.

— Эти берём, — сказала Элейн, давно уже всё решив за обеих.

В зеркале она снова увидела светлые волосы, спокойное лицо и новые туфли. Женщину, у которой впереди вечер и нормальная жизнь. Хотя бы на несколько часов.

— Ладно, — сказала она. — Берём.

Потом были ещё магазины. Немного. Ровно столько, чтобы Элейн успела найти ей тонкие серьги, которые лучше подходили к платью, и окончательно решить, что кардиган скучный. Клэр позволяла вести себя от витрины к витрине, иногда слушая вполуха. Шум вокруг становился привычным фоном. Свет отражался в стекле, металле, лакированных пакетах. У витрины детского магазина она остановилась, сама того не заметив.

На манекене висело маленькое жёлтое пальто. Рядом стояли крошечные ботинки, выше — мягкая овечка с длинными ногами. Всё было слишком маленьким и слишком готовым к чьей-то жизни. Элейн тоже остановилась. Ничего не сказала. Только мягко коснулась её локтя.

— Пойдём, — сказала она. — Нам ещё нужно заехать домой, если ты хочешь передохнуть.

Клэр кивнула и пошла следом. К выходу они шли медленнее. Людей стало больше, день тянулся к вечеру. В груди снова что-то поднялось. Быстро, остро. Она не успела понять, тепло это или боль.

На улице стало заметно теплее. Элейн положила пакеты на заднее сиденье и села за руль.

— У тебя ещё есть время полежать перед вечером, — сказала Элейн.

— Я не больная, мама.

— Я этого и не говорю.

Клэр отвернулась к окну. Провиденс плыл мимо в позднем свете: дома, светофоры, дети на самокатах, мужчины в рубашках с закатанными рукавами. Всё шло своим порядком. От этого становилось спокойно.

Почти.

Когда они подъехали к её дому, Элейн заглушила двигатель и не сразу достала ключи из замка.

— Ты красивая, — сказала она снова, глядя перед собой.

Клэр устало улыбнулась.

— Ты уже говорила.

— Значит, решила повторить.

Элейн наконец повернулась к ней.

— И ты имеешь право на хороший вечер.

Клэр взялась за ручку двери, но не открыла сразу. Мать часто говорила обычные вещи так, что они переставали быть обычными. Слишком много в них было просьбы. Или вины. Или надежды. Клэр уже не всегда различала.

— Я знаю, — сказала она.

И вышла из машины. В доме после витрин, голосов и чужих лиц было особенно тихо. Клэр поставила пакеты у кресла, сняла туфли и прошла в гостиную. Свет уже стал тёплым, вечерним. Она села у окна — всего на минуту, чтобы вытянуть ноги и не думать о платье, Адаме и о том, как должен пройти вечер. Клэр прикрыла глаза. Звонок в дверь вырвал её из короткого сна.

Она открыла глаза, увидела время и резко выпрямилась. Семь вечера. Звонок повторился. Сон ещё не отпустил: тело уже проснулось, а мысли отставали. Клэр проверила себя в тёмном стекле серванта.

Платье не помялось сильно. Только одна складка у бедра легла не так. Она разгладила её ладонью, поправила волосы и пошла к двери. На пороге стоял мужчина. Не фотография из переписки и не имя, которое Меган произносила с нарочитой загадочностью. Высокий, тёмно-волосый, с лёгкой щетиной и спокойными карими глазами. Красивый без глянца и старательной ухоженности.

Он улыбнулся первым и, похоже, сразу понял, что разбудил её.

— Похоже, я всё-таки разбудил тебя.

Клэр задержала руку на двери, потом тоже улыбнулась.

— Совсем чуть-чуть.

— Отлично. Уже чувствую себя виноватым.

— Ещё рано. У тебя впереди весь вечер.

Он рассмеялся без попытки понравиться любой ценой. От этого ей стало проще.

— Тогда у меня есть шанс всё исправить, — сказал он.

Клэр чуть отступила, впуская в дом прохладный вечерний воздух.

— Дай мне минуту. Я возьму сумку.

— Конечно.

Он остался на крыльце. Не шагнул внутрь и не занял пространство раньше приглашения. Клэр взяла сумку со спинки стула и задержалась у зеркала в прихожей. Волосы растрепались после сна, на щеке остался слабый след от подушки. Она открыла дверь шире и вышла на крыльцо. Адам отошёл на полшага, давая ей пройти. Он умел оставлять место.

— Ты выглядишь очень красиво, — сказал он.

Без дежурной улыбки. Без лишнего нажима.

— Спасибо, — ответила Клэр. — Ты тоже ничего.

Он опустил глаза на рубашку, будто проверяя, о чём речь.

— Неплохо для человека, которого сейчас будут оценивать по ужину и чувству юмора.

— И по тому, как ты водишь.

— Вот это уже жестоко. Я думал, мне дадут хотя бы двадцать минут.

Она закрыла дверь, проверила ручку и пошла с ним к машине. Адам открыл перед ней дверь и дождался, пока она сядет. Всё было настолько нормально, что Клэр растерялась. В салоне пахло чисто и чуть древесно.

— Я придумал две версии нашего вечера, — сказал он, заводя машину. — В первой я веду себя как нормальный человек, и всё проходит хорошо. Во второй случайно начинаю рассказывать о себе слишком много и порчу тебе аппетит.

— А у тебя есть третья?

— Есть. Ты сбегаешь через десять минут, а я всю жизнь думаю, в какой именно момент всё пошло не так.

Клэр усмехнулась.

— Мне нравится, что ты сразу допускаешь худшее.

— Это не худшее. Худшее было бы, если бы ты осталась из вежливости.

— Тоже верно.

Он выехал на улицу спокойно, без резких движений. За окном тянулся её район, уже другой, вечерний. Дома стояли в мягком свете, окна начинали загораться. На крыльце у кого-то сидела женщина с телефоном. Чуть дальше мальчик гонял мяч по дорожке перед домом, пока отец что-то говорил ему из открытого гаража, не поднимая головы. Клэр почувствовала, как плечи понемногу расслабляются.

— Так, — сказал Адам. — Мне нужна хоть какая-то честность с самого начала. Ты действительно не хотела идти или это была легенда для твоей мамы?

— Это не была легенда.

— Хорошо. Честность. Уважаю.

— Но сейчас я уже не уверена.

Он бросил на неё короткий взгляд.

— Это хороший знак или плохой?

— Пока не знаю.

— Нормально. Я тоже.

Она повернулась к нему.

— Ты тоже?

— Конечно. Это первое свидание. Любой нормальный человек хотя бы немного нервничает. Все остальные либо врут, либо опасны.

Клэр засмеялась без усилия. Вечер перестал быть испытанием. Адам улыбнулся и не стал ничего добавлять.

— Вот. Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты смеёшься. Значит, у меня всё ещё есть шанс.

— Не обольщайся.

— Поздно.

По дороге Клэр впервые за день перестала думать о матери, платье и о том, как выглядит со стороны. Рядом с этим мужчиной не нужно было сразу собирать себя в более удобную версию. Ощущение было новым, и она ещё не понимала, можно ли просто принять его, не готовясь тут же вернуть. У светофора они остановились рядом с машиной, где на заднем сиденье двое детей спорили из-за игрушки. Женщина за рулём устало оборачивалась к ним каждые

несколько секунд. Один ребёнок прижимал к груди красную пластиковую машинку и упрямо смотрел в окно. Второй вот-вот должен был заплакать.

Клэр задержалась на них дольше, чем собиралась. Загорелся зелёный, и Адам тронулся с места.

— Ты любишь детей? — спросил он вдруг.

Клэр ответила не сразу.

— Да, — сказала она наконец. — Наверное, да.

— Ты сама удивилась.

— Может быть.

Адам кивнул и вернулся к дороге. Он не стал допрашивать её. Рядом с ним молчание не превращалось в ловушку. Они свернули к ресторану, и Клэр поняла, что уже не думает о том, как быстро сможет уехать домой. Ещё час назад это казалось невозможным. Ресторан оказался тёплым и спокойным: светлое дерево, льняные салфетки, свечи, небольшой внутренний сад за окнами. Без показной роскоши и модной холодности.

Адам отодвинул для неё стул. Люди вокруг говорили негромко, музыка не мешала. Вечер окончательно перестал казаться ошибкой. В этом свете Адам выглядел ещё спокойнее. Никакого давления, никакого самолюбования.

Разговор пошёл сразу. Они говорили о библиотеке, городе и людях, которые любую беседу превращают в монолог о себе. Адам шутил легко, не пытаясь стать самым остроумным человеком в комнате. Клэр не заметила, когда перестала держать внутри запасной выход. Принесли воду, хлеб, потом ужин. В какой-то момент Клэр поняла простую вещь: ей хорошо. Они смеялись, иногда молчали и подхватывали мысли друг друга без усилия.

Адам заметил это раньше неё. Он слушал внимательно, не вытаскивая из неё больше, чем она хотела сказать. В какой-то момент она потянулась за бокалом, и рукав кардигана чуть сдвинулся. Свет упал на внутреннюю сторону левой руки, и старый светлый след проступил яснее. Адам заметил шрам, но спросил не сразу:

— Это, наверное, бестактно, но я всё-таки спрошу. Что-то случилось?

Клэр опустила глаза на руку. Хотелось натянуть рукав, закрыть, отшутиться. Но рядом с ним не хотелось врать красиво.

— Честно говоря, я не помню, откуда он.

Адам нахмурился.

— Не помнишь?

— Нет. Наверное, ещё с детства. Мне так проще думать.

Он помолчал и не стал спрашивать дальше.

— Прости. Не хотел сделать неловко.

— Ты и не сделал. Ну, почти.

Он улыбнулся.

— Почти я ещё могу пережить.

Клэр улыбнулась, но внутри поднялась знакомая пустота. Место, где должен был быть ответ, снова оказалось закрытой дверью. Через минуту разговор снова пошёл легко. Адам не стал обращаться с ней подчеркнуто осторожно, и Клэр была ему за это благодарна. Позже он признался, что сначала она показалась ему неприступной. Теперь — женщиной, которая слишком хорошо умеет держать себя в руках. Отшутиться не получилось: он попал точно.

К концу ужина ей уже не хотелось, чтобы вечер заканчивался. После ресторана они не сразу пошли к машине. Свернули в парк, оба без слов решив, что расходиться ещё рано. На гравии лежал свет фонарей. В стороне ещё работала маленькая цветочная лавка. Адам остановился.

— Подожди секунду.

— Зачем?

— Я сейчас сделаю что-то банальное, но надеюсь, ты простишь.

Она не успела ответить: Адам уже подошёл к лавке. Он вернулся с небольшим букетом белых и бледно-розовых цветов. Простым, без вычурности. Клэр посмотрела на него, потом на цветы.

— Ты правда это сделал.

— Да. Но в мою защиту скажу, что колебался секунд шесть.

— Целых шесть?

— Я хотел выглядеть человеком с внутренней борьбой.

Она засмеялась.

— И как, получилось?

— Сейчас решается моя судьба.

Клэр взяла букет. Он пах свежестью, а сам жест был таким простым, что тронул сильнее любой попытки впечатлить.

— Спасибо, — сказала она.

— Мне показалось, тебе подойдёт что-то такое.

Она опустила глаза к цветам. Без лишнего блеска. Просто красиво. Они ещё немного гуляли. Молчание рядом с ним не требовало срочно заполнять его словами. Когда Адам привёз её домой, улица уже стихла. В нескольких окнах горел свет, на соседнем участке темнел забытый детский самокат.

Адам заглушил двигатель и повернулся к ней.

— Ну что. Это был вечер, который можно пережить?

Клэр не сразу отвела глаза.

— Это был очень хороший вечер.

Он улыбнулся. Тихо, спокойно. Без самодовольства.

— Хорошо. Мне бы не хотелось узнать, что я проиграл ресторану, прогулке и цветам одновременно.

— Цветы, если честно, сильно тебя спасли.

— Я знал. Надо было начинать с них.

Она тихо засмеялась. Они немного помолчали.

— Я рад, что ты согласилась, — сказал он.

Клэр кивнула.

— Я тоже.

Она уже взялась за ручку двери, когда он мягко сказал:

— Клэр.

Она повернулась к нему. Он наклонился не торопясь и легко коснулся губами её щеки. Клэр на секунду закрыла глаза. У двери она оглянулась. Адам всё ещё был в машине. Он поднял руку, и она ответила тем же.

На кухне Клэр нашла вазу и поставила цветы в воду. Белые лепестки казались невесомыми в тёплом свете. Она сняла серьги и положила рядом. Потом медленно прошла в спальню, расстегнула платье и задержалась у зеркала. В зеркале была всё та же она: светлые волосы, спокойное лицо, старый след на руке. Но день оставил внутри маленькое тёплое место, которого утром ещё не было.

Она легла, не сразу выключив свет. Из спальни был виден букет на кухонном столе — чуть неровный, живой, собранный наспех. Это не было счастьем с первого взгляда. Просто чем-то тихим и взрослым. С этой мыслью Клэр закрыла глаза.

Глава 2. Почти настоящая жизнь

Клэр стояла на кухне босиком, с ножом в одной руке и персиком в другой. Светло-голубая рубашка Адама висела на спинке стула со вчерашнего вечера — чуть помятая, уже хозяйски своя. Рядом стояла его тёмная кружка, совсем не из её набора. Однажды он привёз её, забыл, а потом перестал забирать. За окном было раннее утро. Солнце ещё не стало жёстким, только легло тёплой полосой на подоконник и задело стеклянную вазу с лимонами. На столе уже лежали контейнеры с едой, бумажные салфетки, пластиковые стаканы, клубника в миске и пачка крекеров, которые Элейн всё равно потом назовёт неправильными и заменит своими.

Телефон завибрировал. Клэр вытерла пальцы о полотенце и открыла сообщение.

«А если ты опять держишь у себя мою рубашку, это уже не забывчивость. Это стратегия».

Она невольно улыбнулась и быстро набрала ответ.

«Я начинаю думать, что ты специально разбрасываешь тут вещи, чтобы потом иметь официальный повод возвращаться».

Ответ пришёл сразу.

«Наконец-то ты начала понимать мой план».

Клэр положила телефон рядом с доской и дорезала персик. Нож мягко стучал по дереву. Дом всё ещё был тихим, но теперь в эту тишину помещались кофе, чужой смех, шаги в прихожей и привычка Адама включать музыку раньше, чем она успевала сказать «доброе утро».

Через минуту хлопнула дверца машины. Клэр не пошла сразу к двери. Взяла с подоконника резинку, собрала волосы на затылке и поставила нож в раковину. Она знала, что Адам сначала постучит, потом откроет сам, потому что руки у него будут заняты. Так и вышло. Стук. Пауза. Потом его голос за дверью:

— Если ты там ещё режешь что-то ровно по линейке, я напомним, что это пикник, а не государственный банкет.

Клэр открыла дверь. Адам стоял на крыльце с пакетом из кофейни в одной руке и пледом под мышкой. Волосы ещё были влажными после душа. Увидев её босой, без макияжа и с кое-как собранными волосами, он улыбнулся.

— Я принёс кофе и официально готов быть полезным, — сказал он.

— Поздравляю. Для начала можешь забрать свою рубашку.

— Нет.

Клэр прищурилась.

— Что значит нет?

— Она уже адаптировалась к дому. Не травмируй её резким переездом.

Она рассмеялась и отошла в сторону. Он вошёл на кухню, уже зная, где здесь что лежит. Поставил кофе на стол, оценил контейнеры, клубнику, персики и крекеры.

— А, ну да. Государственный банкет.

— Я просто не хочу слушать твою мать... — Клэр осеклась. — Мою мать. Хотя такими темпами она скоро начнёт воспитывать и тебя.

— Она уже начала. В прошлый раз сказала, что я слишком тонко режу огурцы.

— И что ты ответил?

— Что стараюсь быть достойным этой семьи.

Клэр отвернулась к столу, пряча улыбку. Адам подошёл ближе, поставил ладони по обе стороны от разделочной доски и коротко коснулся губами её виска.

— Доброе утро, — сказал он тише.

— Доброе.

Потом отступил, не сбивая её кухонного ритма, и потянулся к клубнике.

— Это уже можно есть или у этого тоже есть церемониальный порядок?

— Попробуй и узнаешь.

Он взял одну ягоду, попробовал и кивнул с серьёзным видом.

— Да. Мы переживём этот пикник.

Клэр покачала головой и достала из шкафа корзину. На кухне быстро стало тесно, но не неудобно. Он складывал стаканы, она заворачивала фрукты. Он вспоминал про лёд, она искала маленький нож, который он находил первым. Осторожность между ними куда-то исчезла.

— Кстати, это моя?

— Нет. Теперь это часть интерьера.

— Тогда я польщён.

Она взяла ключи и задержалась у стола возле его рубашки.

— Ты правда её оставляешь?

— Конечно.

— Зачем?

Он поднял брови, будто ответ был очевиден.

— Чтобы у меня всегда был повод вернуться.

Он сказал это полушутя. Клэр всё равно почувствовала тепло. Они вышли вместе. Утро уже поднималось выше. Воздух был тёплым, но ещё не тяжёлым. На соседней дорожке мужчина мыл машину, по радио у него глухо бормотали новости, а у дома напротив девочка в розовых резиновых сапогах рисовала мелом круги на асфальте. У машины Адам закинул корзину на заднее сиденье и открыл перед ней дверь.

— Что?

— Ничего, — сказал он. — Просто ты очень красивая с утра.

— Я с персиком в волосах.

Он наклонил голову.

— Тем более. Это добавляет глубины образу.

Она машинально коснулась затылка и действительно вытащила оттуда маленький кусочек персика. Адам рассмеялся.

— Вот видишь. Я ничего не выдумал.

Клэр села в машину, всё ещё улыбаясь, и снова подумала: рядом с ним жить стало легко. От этого было не по себе. Адам обошёл машину, сел за руль и сразу потянулся к телефону, подключённому к панели.

— Только не это.

— Что именно? — спросил он с невинным видом.

— Не делай вид, что не понимаешь.

Он нажал что-то на экране, и уже через секунду из колонок полились первые знакомые аккорды. Клэр закатила глаза ещё до припева. Она заранее знала, что сейчас Адам начнёт подпевать громче, чем нужно. Он завёл машину и запел. Совершенно не стесняясь, с лёгкой дурашливой серьёзностью, которая каждый раз её смешила. Клэр сначала только покачала головой.

— Ты делаешь это нарочно.

— Конечно, — сказал он, даже не думая прекращать. — Это важная часть традиции.

— Никакой традиции не существует.

— Существует. Просто ты ещё не подписала документы.

Он пел дальше, и к тому моменту, когда они выехали с её улицы, Клэр уже знала следующий куплет. Как ни старалась делать вид, что терпит его только из вежливости. Уголок её рта дрогнул. Потом Клэр всё-таки сдалась и подпела. Адам просиял, будто выиграл дело всей жизни.

— Вот. Я знал.

— Я просто не выдержала.

— Это и есть любовь.

— Не портить момент.

Он рассмеялся и сделал музыку тише. Они свернули на улицу родителей. Элейн уже стояла у низкого светлого забора с большой сумкой, словно ждала их не меньше получаса.

— Она вышла ещё до того, как мы повернули, — сказала Клэр.

— Это пугает, — ответил Адам. — Я начинаю думать, что у твоей мамы есть внутренний датчик нашего приближения.

— Я тебе об этом уже говорила.

Элейн подошла к машине с привычной деловитостью и лёгким недовольством миром, который опять требовал её контроля.

— Вы всё-таки взяли не те крекеры, — сказала она вместо приветствия, заглянув на заднее сиденье.

Клэр закрыла глаза.

— Доброе утро, мама.

— Доброе утро, дорогая. Доброе утро, Адам.

— Доброе утро, — ответил он с безупречной серьёзностью. — Я был морально готов к тому, что крекеры не пройдут проверку.

Элейн кивнула.

— Хорошо, что хоть кто-то здесь умеет смотреть правде в глаза.

Ричард появился в дверях следом за ней, с переносным грилем в одной руке и складными стульями в другой. Он коротко кивнул Клэр, потом Адаму.

— Утро.

— Доброе, — сказал Адам и сразу пошёл к нему, чтобы взять стулья.

Адам уже не выглядел рядом с её родителями случайным мужчиной. Он был частью этого утра: багажника, маминых крекеров, папиного гриля, семейной суеты. От этого становилось тепло. Пока мужчины убрали вещи, Элейн открыла заднюю дверь и начала перекладывать контейнеры, недовольно перебирая салфетки и пластиковые вилки.

— Я же сказала, лимонад надо было поставить отдельно. Он сейчас разольётся.

— Не разольётся, — сказала Клэр.

— Разольётся, — спокойно ответила Элейн. — Я слишком давно живу на свете, чтобы спорить с лимонадом в пластиковой бутылке.

Адам тихо усмехнулся и захлопнул багажник.

— Мне кажется, с твоей мамой можно выпустить отдельную книгу. Что-то вроде «Сто способов пережить пикник и не умереть от чужой безалаберности».

— Я бы купила, — сказала Клэр.

— Я бы написала, — сухо ответила Элейн и всё-таки улыбнулась.

Они расселись по местам. Элейн села сзади рядом с Ричардом, поправляя сумку у ног. Клэр снова оказалась впереди рядом с Адамом. Машина тронулась, и какое-то время они ехали в обычном ленивом утреннем шуме. Дорога шла между домами, потом вывела их на более широкую улицу, мимо магазинчиков, заправки и маленькой пекарни, возле которой уже стояли люди с бумажными пакетами.

Элейн рассказывала, что в прошлый раз они выбрали неудачное место и там был ужасный ветер. Ричард вставлял короткие замечания только там, где считал нужным. Адам время от времени говорил что-то через плечо, нарочно слишком серьёзно, и Клэр всё время приходилось прятать улыбку. Клэр смотрела в лобовое стекло и думала: вот она, жизнь, которую раньше видела со стороны. Машина, выходной, родители, мужчина рядом, корзина с едой и

лимонад, который, по версии матери, должен был разлиться ещё десять минут назад. Почти настоящая жизнь. Фраза пришла сама и осталась внутри.

Они выехали за город минут через сорок. Дорога стала уже, деревья плотнее, воздух чище. Солнце поднималось выше. Где-то справа мелькнула вода, потом дорога пошла вдоль лесополосы, к озеру, которое Ричард любил за тишину и порядок. Место и правда было хорошее. Трава, низкий берег, несколько старых деревьев, под которыми можно поставить стулья и не жариться на прямом солнце. Вода лежала неподвижно, только иногда морщилась от ветра.

Ричард и Адам сразу занялись грилем. Элейн раскладывала еду на пледе с такой сосредоточенностью, словно готовила не пикник, а маленький дипломатический приём. Клэр помогала ей: подавала контейнеры, расставляла стаканы, расправляла плед, который всё время ложился неровно. Иногда Клэр выпрямлялась и наблюдала за мужчинами. Между Адамом и Ричардом не было близости, но первая осторожная вежливость уже исчезла. Они нашли общий ритм. Клэр улыбнулась, сама того не заметив.

— О чём ты? — спросила Элейн, заметив её лицо.

— Ни о чём.

— Это опять не ответ.

— Я знаю.

Элейн ничего не сказала, только поправила контейнер с фруктами и тоже покосилась к грилю. На мгновение её лицо смягчилось. Огонь разгорелся резко. Сначала тихо зашипел, потом пламя поднялось выше, чем нужно, и запах дыма густо ударил в воздух. Клэр замерла.

Всё длилось секунду, может, меньше. Со стороны это могло выглядеть обычной реакцией на вспышку у гриля. Но тело отреагировало раньше головы. Сжалось горло, грудь, плечи. Она отступила на шаг и только потом поняла, что сделала это. Запах дыма стал слишком сильным.

— Клэр? — Голос Адама прозвучал сразу.

Она моргнула, возвращаясь.

— Всё нормально, — сказала она слишком быстро.

Элейн уже следила за ней с тем напряжённым вниманием, которое Клэр знала с детства. Ричард резко убавил огонь.

— Пламя дёрнулось из-за жира, — сказал он. — Ничего такого.

— Я знаю.

Голос прозвучал глухо. Адам выпрямился, отставил щипцы и подошёл на шаг ближе.

— Ты побледнела.

— Просто резко пахнуло.

— Может, присядешь?

Она уже собиралась отмахнуться, но остановилась. Он говорил спокойно. Не суетился, не давил, не делал из её реакции событие. Просто заметил.

— Сейчас пройдёт, — сказала она тише.

Ричард молча отвернулся к грилю. Элейн опустила глаза и начала перекладывать вилки, хотя они лежали ровно. Оба делали вид, что ничего не произошло. И это задело сильнее дыма. Они уже вернулись в обычный ритм, когда с дорожки к поляне донёсся женский голос.

— Боже... Клэр?

Она подняла голову. К ним шла женщина лет пятидесяти с короткими тёмными волосами и широкополой шляпой. Рядом был мужчина, которого Клэр не узнала. Женщина шла прямо к ней — растерянная, но слишком уверенная для случайной ошибки. Клэр встала.

— Простите?

Женщина остановилась в нескольких шагах и неловко улыбнулась.

— Это правда ты? Господи... Я думала, вы давно уехали.

Клэр нахмурилась.

— Наверное, вы меня с кем-то перепутали.

Женщина увидела Элейн и Ричарда. Смущение сменилось пониманием: она сказала лишнее.

— Простите, — заговорила она быстрее. — Я просто... Я была уверена, что это ты. А дети... они...

Фраза повисла в воздухе. В груди у Клэр похолодело.

— Какие дети? — спросила она.

Ричард поднялся так быстро, что стул под ним качнулся.

— Вы ошиблись, — сказал он. Ровно. Жёстко. — Вы, должно быть, спутали её с кем-то другим.

Женщина сразу стушевалась.

— Да. Да, наверное. Простите. Простите, пожалуйста.

Женщина потянула спутника дальше по дорожке и вскоре исчезла за деревьями. На поляне остался только треск огня. Клэр медленно повернулась к родителям.

— Что это было?

Элейн взяла салфетки. Очень быстро. Слишком быстро.

— Ничего, — сказала она. — Женщина просто ошиблась.

— Она спросила про детей.

— Люди иногда говорят что угодно, когда думают, что узнали кого-то, — вставил Ричард, не глядя на неё.

— А вам почему не показалось странным? — спросила Клэр.

Никто не ответил сразу. Эта крошечная пауза оказалась хуже любого ответа. Адам стоял чуть в стороне и молчал. Он тоже всё заметил. Элейн наконец заговорила. Мягко. Осторожно.

— Клэр, дорогая, это был просто неловкий момент. Не нужно делать из него что-то большее.

Клэр слушала мать, и внутри становилось холоднее. Не от слов той женщины. От родителей. От того, как быстро отец встал. Как мать не подняла глаз. Как оба сразу попытались закрыть тему.

— Она не просто ошиблась, — сказала Клэр.

Ричард тяжело выдохнул.

— Хватит. Мы приехали отдыхать.

— Я не понимаю, почему вы оба ведёте себя так...

Она замолчала. Договорить не смогла. Как именно? Родители вели себя так, будто знали больше. Женщина попала туда, куда они давно никого не пускали. Обратно они ехали молча. Пикник закончился раньше, чем кто-то это признал.

Клэр сидела у окна и сжимала на коленях плед. За стеклом тянулись дорога, редкие машины, заправки и маленькие придорожные кафе. Адам не включал музыку. Не шутил. Не пытался вытянуть из неё разговор раньше времени. Только когда они выехали на более широкую дорогу, он сказал:

— Тебе это тоже показалось странным?

Клэр ответила не сразу.

— Всё.

Она чуть повернула голову.

— Очень конкретно.

— Я стараюсь, — сказал он спокойно. — Пикник. Огонь. Те люди. Твой отец, который вскочил так, будто от него зависела чья-то жизнь. Твоя мать, которая вдруг начала перекладывать вилки, как будто это могло что-то исправить.

Клэр опустила глаза на руки.

— Я всё время пытаюсь объяснить это нормально: ошиблись, обознались, сказали не то. Но... — Она выдохнула. — Это не было похоже на ошибку.

— Нет, — сказал Адам. — Не было.

Она помолчала.

— Когда она спросила про детей... — Клэр запнулась. — Меня задела не её слова. Мама с папой. Их реакция.

Адам кивнул, глядя на дорогу.

— Я тоже заметил.

— Ты думаешь, они что-то скрывают?

Адам некоторое время молчал. В машине было слышно только шуршание шин.

— Думаю, они знают больше, чем говорят, — сказал он наконец. — Почему молчат, не знаю.

Клэр снова отвернулась к окну. Эта фраза задела сильнее, чем любая версия. Может быть, потому что она сама уже чувствовала то же самое и слишком старалась не называть это вслух.

— Мне это не нравится, — сказала она.

— Мне тоже.

— Ты сейчас должен был сказать что-нибудь успокаивающее.

— Могу, — ответил он. — Но тогда совру.

Она тихо усмехнулась, впервые за последние полчаса.

— Отличная поддержка.

— Я не скажу, что всё хорошо. Скажу другое: что бы это ни было, тебе не обязательно разбираться с этим одной.

Клэр кивнула. Этого оказалось достаточно. К её дому они подъехали под вечер. Улица оставалась обычной, хотя у Клэр в голове всё уже сдвинулось. Адам заглушил двигатель и вышел первым. Пока Клэр доставала из машины сумку и сложенный плед, он взял корзину и молча понёс её к дому.

На кухне Клэр поставила сумку на стол и замерла. День догнал её только сейчас. Адам поставил корзину на стул, вынул из неё контейнеры и сказал:

— Садись.

— Это приказ?

— Забота, замаскированная под приказ.

Клэр всё-таки села. Адам достал из холодильника воду, налил полный стакан и поставил перед ней.

— Пей.

Она отпила, не споря. Адам не сел сразу. Убрал контейнеры, отнёс плед в гостиную, оставляя ей время. Потом опёрся бедром о столешницу напротив.

— Сейчас ты о чём думаешь? — спросил он.

Клэр смотрела в стакан.

— Что, если это не ошибка?

— Тогда это не ошибка.

— Ты сегодня решил быть невыносимо прямым?

— Нет. Просто нормальным.

Ей снова захотелось усмехнуться, но не вышло.

— Я не люблю, когда родители делают из меня человека, которого надо от чего-то беречь, — сказала она тихо. — У меня это чувство с детства. Эти аккуратные интонации. Быстро сменяемые темы. Вежливое «не думай об этом». И я всегда...

Она замолчала.

— Что?

— Всегда делала вид, что меня это устраивает.

Он не отвёл глаз.

— Так проще.

— Да, — сказала Клэр. — Так проще.

На кухне стало тихо. С улицы донёсся звук машины, потом хлопнула дверь в соседнем доме. Адам сделал шаг к ней.

— Иди сюда.

Она не спросила зачем. Просто встала. Он обнял её крепко, без спешки. Клэр сначала держалась ровно, потом выдохнула и уткнулась лбом ему в грудь. От него пахло дорогой и дымом от гриля.

— Мне не нравится, когда тебе плохо, — сказал он ей в волосы.

— Мне тоже.

— Это уже объединяет.

Она всё-таки улыбнулась. Он чуть отстранился и коснулся пальцами её щеки.

— Не надо сегодня ничего решать, — сказал он. — Не надо сейчас пытаться понять всё сразу. Хорошо?

Клэр кивнула.

— Хорошо.

А потом он поцеловал её. Поцелуй не уводил разговор в сторону. Просто возвращал её в кухню, в этот вечер, в собственное тело. Она сама сделала шаг ближе. Потом ещё один. На какое-то время исчезли женщина у озера, запах дыма и отец, резко поднявшийся со стула.

Позже они лежали в прохладной полутьме. Адам лениво водил пальцами по её плечу.

— Ты спишь? — спросил он через некоторое время.

— Почти.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что у тебя впервые за вечер спокойное лицо.

Она не ответила. Только чуть сильнее прижалась к нему. Так и уснула. Утром Клэр проснулась от запаха кофе. Полоска света лежала на полу, футболка Адама была брошена у кресла, его тень стояла в дверном проёме. Он вошёл в спальню с двумя кружками.

— Я решил, что если разбужу тебя кофе, меня простят за всё.

Клэр приподнялась на локте.

— Даже за музыку в машине?

— Нет. За это нет прощения. Но можно дать мне условный срок.

Она взяла кружку, сделала глоток и поморщилась.

— Слишком горячо.

— Как и мои чувства.

— Перестань.

— Не могу. Я проснулся в хорошем настроении.

Он сел рядом, и утро оказалось неприлично мирным: кофе, свет, смятая футболка и тёплая тяжесть одеяла на ногах. Следующие недели складывались из мелочей. Адам всё чаще заезжал после работы. Его рубашки оставались у неё уже не как забытые вещи, а как часть дома. Её книга лежала у него в машине. Они пили кофе по дороге, спорили о музыке, ужинали на кухне или на полу, когда было лень накрывать стол.

Иногда он оставался до утра. Иногда она засыпала у него на плече и просыпалась под пледом. В библиотеке всё шло по-прежнему. Тот же свет между стеллажами, те же тележки с книгами, та же утренняя тишина, из которой постепенно вырастал день. Только Клэр уже приходила туда другой. Меган заметила сразу. Однажды утром Меган подошла к её столу с кофе и прищурилась, будто собиралась поставить диагноз.

— Ну? — сказала Клэр, не поднимая головы от карточек.

— Ну, — повторила Меган. — Ты выглядишь так, будто начала спать по ночам и чуть меньше ненавидеть человечество.

— Я никогда не ненавидела человечество.

— Конечно. Ты просто смотрела на него так, словно тебе не нравится сама концепция.

Клэр хмыкнула. Меган поставила кофе рядом и опёрлась ладонями о край стола.

— Как там Адам?

Этот вопрос уже не вызывал у Клэр внутренней защиты. От одного имени она невольно улыбалась, и Меган, конечно, это видела.

— Хорошо, — сказала она.

— Хорошо это очень скучное слово для твоего лица.

Клэр переложила карточки в сторону.

— Ладно. Не хорошо. Очень хорошо.

Меган медленно кивнула, дождавшись нужного признания.

— Вот. Теперь звучит честно.

После обеда они ушли за кофе в маленькое кафе рядом с библиотекой, когда поток людей немного схлынул. За окном шёл обычный будний день: машины, люди с пакетами, тень от деревьев на стекле, бариста, которая уже знала Меган в лицо. Они сели у окна, и Клэр сама не заметила, как начала говорить про Адама больше, чем собиралась.

Не про ресторан и красивые жесты. Про простое. Как он умеет вовремя пошутить. Как не давит, если ей хочется молчать. Как поёт в машине так громко, что ей стыдно за него уже на втором куплете, а на третьем она всё равно смеётся. Как режет помидоры ужасно криво и почему-то считает это своим сильным кулинарным качеством. Как рядом с ним всё стало легче.

Меган слушала, подперев подбородок ладонью.

— Ага, — сказала она, когда Клэр наконец замолчала.

— Что ага?

— Ты влюбилась.

Клэр опустила глаза в чашку.

— Это звучит как диагноз.

— Это и есть диагноз. Просто редкий хороший.

Она не спорила. В этот раз не из усталости. Вечерами Адам всё чаще заезжал за ней без повода. Иногда они ехали за кофе, иногда в маленький магазин у трассы, иногда просто домой. И слово «дом» всё меньше принадлежало одному адресу. В её ванной появилась его зубная щётка, в магазине она автоматически брала его любимый йогурт, а однажды сказала Меган «мы про выходные» и не поправила себя. И от всего этого ей было не страшно.

Вот это удивляло сильнее всего. Однажды вечером Адам забрал её с работы, свернул к набережной и остановился у кофейни с видом человека, который опять что-то придумал.

— Что? — спросила Клэр.

— У меня есть для тебя одна вещь.

— Ты звучишь подозрительно.

— Я стараюсь звучать интригующе, но хорошо, пусть будет подозрительно.

Он вытащил из бардачка длинный белый конверт и протянул ей. Клэр посмотрела на конверт, потом на него.

— Это что?

— Открой.

Внутри были билеты. Она не сразу поняла. Увидела названия городов, даты, ещё один лист, распечатку бронирования. Только после этого подняла глаза.

— Адам.

Он улыбнулся.

— Да?

— Что это?

— Насколько мне известно, Европа.

Она снова развернула билеты.

— Ты шутишь.

— Нет. Я уже морально и финансово пострадал, так что шутка была бы слишком дорогой. Клэр всё ещё держала конверт в руках, боясь опустить его на колени.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Когда ты это сделал?

— Пару дней назад. Потом героически молчал, хотя очень хотел рассказать ещё вчера.

Она тихо выдохнула и снова развернула билеты. Рим. Флоренция. Париж. Мир вдруг стал шире. Светлее. Дальше её привычных улиц, кухни, библиотеки и дороги до дома.

— Ты сумасшедший, — сказала она.

— В хорошем смысле?

Клэр рассмеялась так легко, будто на несколько секунд в ней не осталось привычного сжатия под рёбрами.

— Да, — сказала она. — В очень хорошем.

Адам взял её за руку и поднёс к губам.

— Отлично. Тогда у нас есть путешествие.

В спальне у Клэр уже второй вечер стоял раскрытый чемодан. Он занимал слишком много места, и комната выглядела слегка сдвинутой со своего обычного положения. На кровати лежали вещи: светлый свитер, платье, которое она уже дважды убирала и снова доставала, джинсы, футболки, косметичка, зарядки, дорожный фен, книга, которую она вряд ли откроет, но всё равно возьмёт. Адам сидел на полу у второго чемодана и с видом человека, которому доверили важную дипломатическую миссию, складывал рубашки.

Клэр стояла в дверях, прислонившись плечом к косяку, и смотрела на него. На тёмные волосы, чуть растрёпанные после душа. На футболку, натянувшуюся на спине, когда он тянулся за ещё одной вещью. На то, как спокойно он сидел среди её пространства, по-хозяйски, не спрашивая разрешения у каждой стены.

— Ты берёшь слишком много, — сказала она.

Адам даже не обернулся.

— Нет. Я беру ровно столько, сколько нужно человеку, который уважает климатические различия между странами.

— Мы едем не на полгода.

— Спасибо, я в курсе. Но Рим, Флоренция и Париж — это три разные версии меня. Им нужен выбор.

Клэр тихо усмехнулась и вошла в комнату.

— Меня всегда восхищает, как ты способен говорить серьёзно о полной ерунде.

— Это дар.

Он поднял с кровати кремовое платье и изучил его с настоящим вниманием.

— А это берёшь?

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что я не понимаю, оно красивое или слишком старается быть красивым.

Адам перевёл взгляд с платья на неё.

— Ты сейчас про платье или про себя?

Клэр закатила глаза.

— Вот за это я тебя иногда и не выношу.

— Неплохой процент. Иногда это уже победа.

Он аккуратно положил платье обратно. Не бросил, не скомкал. Оставил на краю кровати, словно оно ещё должно было само решить, хочет ехать с ними или нет. За окном уже темнело.

В спальне горела только лампа у кровати. Свет лежал на открытых чемоданах, разбросанных вещах, его руках, полу, где валялась одна рубашка, которую он, видимо, забраковал и забыл поднять. Клэр села на край кровати и взяла в руки свой свитер.

— Ты правда собираешься брать две книги?

— Три.

Она подняла голову.

— Три?

— Одна на самолёт. Одна на случай, если первая окажется плохой. И одна на случай, если во мне внезапно проснётся интеллектуальная версия.

Клэр засмеялась.

— Твоя интеллектуальная версия обычно просыпается после второго бокала вина и начинает спорить о фильмах, которые никто не просил обсуждать.

— Именно. Значит, я должен быть готов.

Он поднялся с пола, подошёл к ней и забрал у неё свитер. Несколько секунд стоял близко, разглядывая вещь с такой серьёзностью, словно решал вопрос багажа на международном уровне. Потом сказал:

— Ты рада?

Она ответила не сразу. До этого всё было смешно и легко, но в вопросе появилось что-то серьёзнее всего сказанного за вечер.

— Да, — ответила она. — Очень.

Адам кивнул и только потом улыбнулся.

— Хорошо.

— Почему ты спрашиваешь так, будто сам всё это время переживал?

— Потому что переживал.

— Из-за поездки?

— Из-за тебя.

Он пожал плечами.

— Я не был до конца уверен, что ты не передумаешь и не решишь, что тебе лучше дома, с книгой, пледом и без моего энтузиазма.

Клэр покачала головой.

— Ты купил нам билеты в Рим, Флоренцию и Париж. Это уже слишком сильный аргумент, чтобы остаться дома с пледом.

— То есть всё-таки города, а не я?

— Конечно города.

— Жестоко.

Она улыбнулась, а он так и стоял рядом, держа в руках её свитер. Иногда её пугало, насколько легко стало рядом с ним. Не пусто, не безопасно до скуки, а хорошо. Слишком хорошо. Жизнь, которую она раньше наблюдала у других, вдруг оказалась у неё в спальне: открытые чемоданы, чужие рубашки, её платье, человек, который спорил с ней о книгах и уже имел право на эти споры. Адам положил свитер в чемодан и коснулся её колена.

— Ты опять куда-то ушла.

— Я здесь.

— Нет. Ты сидишь с лицом человека, который либо сейчас скажет что-то очень умное, либо передумает в последний момент.

Клэр опустила глаза.

— Я просто подумала, что всё это выглядит слишком... настоящим.

Он сел рядом с ней на кровать. Матрас мягко прогнулся под его весом. Их плечи соприкоснулись.

— И это плохо? — спросил он.

Она повернула к нему голову.

— Нет.

Адам смотрел на неё спокойно. Без шутки. Без попытки облегчить момент.

— Тогда пусть будет настоящим, — сказал он.

Он сказал это без торжественности, как что-то само собой разумеющееся. Клэр не нашла, что ответить. Он наклонился и поцеловал её. Медленно, тепло, без спешки, несмотря на билеты, чемоданы, утренний выезд и целую Европу впереди. Его ладонь скользнула по её шее и остановилась у затылка. Клэр закрыла глаза и на секунду перестала думать. Когда он отстранился, она ещё несколько секунд сидела молча.

Потом сказала:

— Ты специально так делаешь.

— Как?

— Чтобы после любого нормального разговора мне было трудно вспомнить, о чём он был.

Адам усмехнулся.

— Это тоже дар.

Она толкнула его плечом. На кровати между ними лежало кремовое платье. Клэр взяла его, провела пальцами по ткани и положила в чемодан.

— Вот, — сказал Адам. — Прогресс.

— Не разговаривай так, будто это ты убедил меня.

— Но это я убедил тебя.

— Ты вообще невыносимый.

— И всё же ты едешь со мной в Европу.

Клэр улыбнулась. По-настоящему.

— Да, — сказала она. — Еду.

На следующее утро библиотека встретила её привычной прохладой, запахом бумаги и тихим скрипом тележки по полу. На подоконниках уже лежали прямоугольники солнца, но в глубине зала всё ещё держалась полутьма. Клэр поставила сумку под стол, включила компьютер и немного посидела перед пустым экраном. Внутри всё ещё жило вчерашнее тепло: чемоданы, его голос, его спокойное «тогда пусть будет настоящим» и мысль, что через несколько дней она окажется в другом городе рядом с ним. От этого всё вокруг казалось чуть легче. Она открыла ящик с карточками и начала раскладывать их по алфавиту, когда между стеллажами появилась Меган.

Меган пришла с охапкой книг, сбросила их на тележку и прищурилась. Она уже всё поняла и ждала признания.

— Ну?

— Что ну?

— Не прикидывайся. У тебя лицо человека, который либо выиграл в лотерею, либо наконец-то едет туда, куда хочет.

Клэр отвела глаза к карточкам, но улыбка выдала её раньше ответа.

— Мы уезжаем в Европу.

Меган застыла на полсекунды, потом схватила за край тележки.

— Что?

— Рим, Флоренция, Париж.

— Ты сейчас это говоришь так, будто читаешь список книг на возврат.

Клэр тихо усмехнулась.

— Я ещё сама не до конца верю.

Меган обошла стол и уселась на край соседнего, уже без обычной шутиливой колкости.

— Он сделал тебе сюрприз?

Клэр кивнула.

— Показал билеты в машине. Я сначала решила, что это не мне.

— Боже мой. Нормальный мужчина. С билетами. И в Европу. Ты вообще понимаешь, насколько это неприлично хороший расклад?

Клэр засмеялась.

— Судя по твоему лицу, да.

— Судя по моему лицу, я уже готова начать ненавидеть тебя из зависти.

Она покачала головой.

— Нет. Это не так.

— Тогда как?

Клэр замолчала. Стоило назвать это вслух — и счастье сразу становилось уязвимым.

— Жизнь стала шире, — сказала она наконец. — Не лучше даже. Просто больше. Раньше был маршрут. Дом, работа, родители, знакомые улицы, одни и те же дни. А теперь вдруг оказалось, что можно иначе.

Меган слушала внимательно.

— Ты счастлива, — сказала она.

Клэр не стала отшучиваться. Опустила голову и улыбнулась, будто только сейчас разрешила себе согласиться.

— Да, — сказала она. — Пожалуй, да.

Они помолчали. В глубине зала хлопнула дверь, ранний посетитель медленно шёл вдоль полок, проводя пальцем по корешкам. Меган спрыгнула со стола и взяла с тележки верхнюю книгу.

— Так, — сказала она уже своим обычным тоном. — Мне нужны все подробности. Что ты берёшь. Что он берёт. Кто из вас забудет паспорт. И собираешься ли ты наконец купить нормальный чемодан, а не тот, у которого колесо всё время делает вид, что сейчас отвалится.

Клэр покачала головой.

— Чемодан пока держится.

— Это ненадолго.

— Ты очень в меня веришь.

— Я верю в Европу. А вот в твой чемодан уже нет.

Клэр выровняла стопку карточек.

— Я ещё никому не говорила так спокойно, что уезжаю, — сказала она. — Даже себе.

Меган улыбнулась.

— Потому что как только скажешь вслух, всё станет совсем настоящим.

До обеда всё шло как обычно: книги, номера, тележки, мягкий свет на подоконниках. Но мыслями Клэр уже была в Риме, Флоренции и под парижским дождём, которого ещё не видела. Ближе к вечеру у выхода её уже ждал Адам с бумажным пакетом.

— Я привёз кофе и официально готов обсуждать, сколько пар обуви человеку нужно в Европе.

Клэр подошла ближе.

— Если это провокация, то слабая. Я уже выбрала разумную сторону.

— Тогда объясни, почему ты вчера двадцать минут смотрела на одно и то же платье так, будто решала судьбу цивилизации.

— Потому что ты стоял рядом и комментировал, как будто это твоя профессия.

Он открыл перед ней дверь машины.

— Я просто хотел помочь.

— Нет. Ты хотел мешать с энтузиазмом.

— Это тоже форма любви.

Она села, всё ещё улыбаясь, и взяла у него кофе. Машина тронулась. Клэр сделала глоток кофе.

— Я сегодня сказала Меган про Европу.

— И?

— Она чуть не обвинила меня в неприлично хорошем раскладе.

— Умная женщина.

— Она сказала, что нормальный мужчина с билетами в Европу — это уже перебор.

Адам коротко усмехнулся.

— Мне нравится эта версия меня.

Клэр повернулась к окну. Солнце уходило ниже, на стекле лежал тёплый свет. Внутри жило чувство, которое не хотелось спугнуть словами. Жизнь и правда становилась больше. К родителям они ехали под вечер. В окнах вдоль дороги зажигался свет, делая чужую жизнь спокойнее на вид, чем она была.

— Ты нервничаешь? — спросил Адам, не глядя на неё.

— Нет.

Он коротко усмехнулся.

— Очень убедительно.

— Я не нервничаю. Просто не хочу, чтобы мама превратила обычный ужин в драму уровня международного саммита.

— Это невозможно, — сказал он. — Для неё любой отъезд дальше ближайшего супермаркета уже повод собрать сухпак на две недели.

— Если она начнёт заворачивать нам котлеты в ручную кладь, я просто уйду.

— Нет, не уйдёшь. Скажешь «мама» очень усталым голосом, а потом всё равно возьмёшь контейнер.

Клэр всё-таки улыбнулась.

— Тебе слишком многое уже понятно.

— Я старательный.

Дом родителей стоял за низким светлым забором, с аккуратным крыльцом, горшками по обе стороны ступенек и лампой у двери, которая всегда загоралась слишком рано. В этом доме вечеру не доверяли до конца. На кухне уже горел свет. Сквозь занавески было видно движение. Элейн, скорее всего, накрывала на стол в своём обычном темпе: для гостей, которые либо умирают с голоду, либо не ели с прошлого вторника. Клэр вышла из машины и вдохнула вечерний воздух. Тёплый, с примесью травы, пыли и чего-то печёного, что уже тянулось из дома.

— А вот и пирог, — сказал Адам, словно прочитал её мысль.

— Если там яблочный, я тебе ничего не оставляю.

— Жестоко. Но честно.

Они поднялись на крыльцо. Клэр открыла дверь своим ключом и сразу услышала голос матери.

— Это вы? Заходите, у меня руки!

— Это мы, — ответила Клэр.

Дом встретил их запахом выпечки, полированного дерева и старой мебели. В гостиной горела лампа, телевизор работал без звука. Всё выглядело до боли обычно. Клэр насторожилась не из-за вида. Из-за звука. Короткого, сухого звука быстро задвинутого ящика. Она остановилась у входа в гостиную.

Ричард стоял у комода спиной к комнате. На секунду замер с рукой на ящике, потом обернулся. Ладонь всё ещё лежала на ручке, а ящик был закрыт не до конца. Лицо у него было слишком спокойным.

— Вы уже приехали, — сказал он.

Клэр следила за его рукой.

— Да, — ответила она. — А что ты прятал?

Ричард убрал ладонь не сразу.

— Ничего.

— Ага.

Он нахмурился.

— Старые бумаги.

Из кухни уже шла Элейн, вытирая руки о полотенце.

— Наконец-то, — сказала она, ещё не заметив лица Клэр. — Я уже думала, вы застряли в пробке. Адам, проходи, не стой у двери. Я как раз достаю...

Элейн замолчала, увидев лица Ричарда и Клэр. Этого хватило.

Опять.

Клэр почувствовала знакомую собранность комнаты — попытку сделать всё обычным, пока ещё можно.

— Что за бумаги? — спросила она тише.

— Господи, Клэр, — сказала Элейн мягко. — Да старьё какое-то. Твоему отцу давно надо было разобрать этот комод.

— Тогда почему он закрыл ящик так, словно я не должна была этого видеть?

Ричард чуть отступил от комода.

— Потому что там бардак, — сказал он. — И потому что я не люблю, когда кто-то копается в старом мусоре.

— Очень странно, — сказала Клэр. — Я ведь не собиралась копаться. Я просто вошла в комнату.

Повисла короткая пауза. Элейн улыбнулась слишком быстро.

— Ты устала перед дорогой, — сказала она. — И уже заранее ищешь, к чему прицепиться.

Не ящик. Не бумаги. Даже не Ричард. Интонация была мягкой и заранее объясняла, почему Клэр не права.

— Нет, — сказала Клэр. — Я ничего не ищу. Просто мне уже надоело чувствовать себя человеком, которому всё время не договаривают половину фразы.

Элейн застыла с полотенцем в руках. Ричард отвернулся. Адам стоял чуть позади и не вмешивался. Но его ровное присутствие удерживало её.

— На пикнике была случайность? — спросила она, не сводя глаз с матери. — Ладно. Я пыталась так думать. Но сейчас что?

— Сейчас ничего, — сказал Ричард.

Она резко повернулась к нему.

— Вот. Опять. У вас всё время ничего.

Элейн шагнула ближе.

— Клэр, не надо перед отъездом...

— Перед отъездом что? — перебила она. — Перед отъездом я не должна видеть, как папа что-то прячет? Перед отъездом я не должна спрашивать? Перед отъездом у нас опять режим «потом?»

Последнее слово повисло в воздухе — знакомое, тяжёлое, затёртое до дыр. Ричард наконец поднял голову.

— Сейчас не время, — сказал он.

Клэр коротко усмехнулась. Беззвучно.

— Конечно.

Слово прозвучало устало. Элейн первой сделала шаг назад.

— Пойдёмте на кухню, — сказала она. — Еда остывает.

И всё. Они ушли на кухню, но недозакрытый ящик остался в гостиной. За ужином Элейн говорила больше обычного: про еду в самолёте, погоду, карманников в Италии и о том, что

Адаму надо следить, чтобы Клэр не забывала есть. Ричард ел молча и ни разу не вернулся к разговору в гостиной. Клэр тоже молчала.

Не из страха. Она понимала, что сейчас ничего не добьётся: мать уже спряталась в суету, отец умел молчать так, что сам разговор начинал казаться ошибкой. Адам говорил спокойно, ровно столько, чтобы воздух в кухне не застыл окончательно. Отвечал Элейн, кивал Ричарду, один раз даже пошутил, что если контейнеров в дорогу станет больше трёх, им придётся покупать отдельный билет под мамин пирог. Элейн улыбнулась. Клэр тоже. Но осадок остался.

Когда они вышли, машина стояла под жёлтой лампой у крыльца. Всё вокруг выглядело слишком спокойно для разговора, который так и не случился. Они сели внутрь. Адам положил руки на руль, но не завёл машину. Клэр смотрела перед собой.

— Ты же тоже это видел, — сказала она.

Он не стал делать вид, что не понимает.

— Да.

— Это уже не совпадение.

— Нет.

Клэр помолчала.

— Мне не нравится это чувство. Все в комнате знают что-то, кроме меня. И делают вид, что это ради моего же блага.

Он слушал, не перебивая.

— Сначала пикник. Потом та женщина. Потом ящик. Каждый раз они заранее знают, от чего меня надо увести.

Адам повернулся к ней.

— Я думаю, ты права в одном, — сказал он спокойно. — Они что-то скрывают.

Ей слишком нужно было услышать это не от собственной тревоги, а от другого человека.

— Ты правда так думаешь? — спросила она тише.

— Да.

— И тебе не кажется, что я накручиваю?

— Нет. Я не знаю, что именно там у них, но это уже не похоже на семейную странность.

Она кивнула, не поднимая глаз. Он взял её за руку. Без резкости. Просто накрыл её пальцы своими.

— Мы всё равно завтра улетаем, — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты сейчас полезла в это на злости. Поедем. Побудем вдвоём. Выдохнем. Потом вернёмся к этому, если захочешь.

Свет с крыльца немного дотягивался до лица Адама. Всё в нём сейчас держало её на месте.

— Я ненавижу, когда ты прав, — сказала она.

Уголок его рта дрогнул.

— Это уже тревожный уровень близости.

Из-за этой дурацкой фразы она всё-таки рассмеялась. Негромко, устало, но по-настоящему. Он сжал её руку чуть сильнее.

— Вот, — сказал он. — Так лучше.

Клэр посмотрела на освещённые окна родительского дома и заставила себя пока не думать дальше. Тревога никуда не ушла. Рядом с ним тревогу можно было хотя бы на время положить рядом, а не держать обеими руками. Рим встретил их не красотой, а телом.

Ещё в аэропорту Клэр почувствовала другой воздух — тёплый, плотный, остающийся на коже. Когда такси въехало в город, вокруг были узкие проезды, старые фасады, тёмные ставни и крошечные балконы. Город не пытался нравиться. Он давно перерос такую необходимость. Они остановились в маленьком хорошем отеле недалеко от Пантеона. Окно номера выходило на узкую улицу, где официант уже расставлял бокалы на столиках.

Клэр подошла к окну, ещё не сняв сумку. С улицы поднимались голоса, звон посуды, запах кофе, вина и тёплого хлеба.

— Ну?

Она обернулась.

— Пока мне кажется, что если я выйду отсюда на улицу, меня сразу заставят есть пасту и резко любить жизнь.

Он усмехнулся.

— Значит, всё идёт хорошо.

Только тогда она почувствовала тяжёлую усталость от дороги и радость, что эта усталость означает начало, а не возвращение. В номере они не задержались. Умылись, переоделись и вышли в тёплый римский вечер. Город сначала слышался — голоса, музыка, фонтаны, шаги по камню, — и только потом показывался. Рим не открывался постепенно. Он сразу был везде.

Они шли без карты. Адам объявил, что первый вечер надо не планировать, а проживать, и через пять минут свернул не туда. За следующим поворотом они неожиданно оказались у Пантеона. Клэр остановилась.

Клэр видела его сотни раз на фотографиях, но живую Пантеон оказался не красивее — тяжелее, точнее, старше. Люди у входа смеялись, спорили, фотографировали. Всё двигалось. Он стоял. Адам не заговорил сразу.

— Это невозможно, — сказала она наконец.

— Что именно?

Она выдохнула.

— Что оно может простоять две тысячи лет и выглядеть так, будто его никто не испортил. Адам тоже запрокинул голову.

— Рим вообще плохо поддаётся идее, что его можно испортить.

Внутри было прохладнее и тише. Клэр подняла голову к круглому отверстию в куполе, откуда в полутьму падал свет, и впервые за долгое время не захотела ничего объяснять. Потом они долго бродили вокруг. Площадь Навона была переполнена людьми, музыкой, водой и светом. От неё осталось не воспоминание, а чувство города, который говорит сразу на всех языках.

Ужинали поздно за маленьким столиком на узкой улице. Клэр слушала чужую речь и чувствовала на коже остатки тепла от каменных стен. Рим забрал её собранность ещё по дороге из аэропорта. Оставил усталость, голод и простое счастье быть здесь.

Утром город был другим. Они вышли рано, пока улицы ещё не наполнились людьми. В маленьких барах пили эспрессо стоя, открывали ставни, двигали стулья у кафе. Рим в эти часы нравился Клэр сильнее — ещё не парадный, уже живой.

В Трастевере они потерялись намеренно. Здесь пахло едой из открытых окон, во дворах сушилось бельё, кошки лежали на тёплых ступенях. Эти улицы не старались быть величественными. Просто жили. Однажды Адам взял её за локоть и остановил у стены, где плющ скрыл старую охристую штукатурку.

— Что? — спросила Клэр.

Он смотрел на неё.

— Ничего. Просто ты сейчас очень красивая.

Она закатила глаза.

— Это из-за кофе.

— Нет. Из-за Рима.

— Очень удобно. Если что, потом будешь всё списывать на города.

— Да, — сказал он серьёзно. — Это мой план.

Клэр отвернулась, потому что от его прямоты становилось слишком тепло. К полудню город загустел. У Треви вода смешивалась с голосами, телефонами, плечами и локтями. Фонтан был прекрасен и невыносим из-за толпы. Клэр рассмеялась. Адам повернулся к ней.

— Что?

— Ничего. Просто теперь я верю, что даже шедевр можно превратить в очередь.

Он засмеялся тоже.

— Вот поэтому мне и нравится таскать тебя по миру. Ты умеешь правильно смотреть на прекрасное.

Они ушли на боковую улицу и нашли маленькое кафе в тени. Именно там, среди обычного обеда и чужого смеха, Клэр поняла простую вещь: ей с ним хорошо не только в красивые минуты. Не только в ресторане. Не только у Пантеона. Не только когда он говорит что-то, от чего теплеет под сердцем. Просто хорошо.

Ей было хорошо, когда он молчал, спорил с картой, закатывал рукава или тянулся через стол за солью. Рядом с ним день не нужно было спасать.

К вечеру они поднялись туда, откуда город был виден шире. Клэр опёрлась ладонями на тёплый каменный парапет. Адам встал рядом и не стал нарушать тишину. Потом всё же коснулся её пальцев.

— О чём думаешь?

Она не повернулась.

— Что мир, кажется, был гораздо больше, чем я думала.

— Да.

— И что мне с этим теперь делать?

Он улыбнулся.

— Для начала поехать во Флоренцию.

Даже дорога во Флоренцию оказалась частью путешествия. Они выехали рано, пока Рим ещё держал ночную прохладу. Адам спустился с чемоданами первым. Клэр шла следом, сонная и приятно уставшая после города, прожитого не вполсилы. Машину взяли за пределами центра. Навигация с первых минут повела их не туда, и Адам сдержанно выругался на экран.

— Отлично. Значит, в Тоскану мы поедем через драму.

— Это твой естественный стиль.

Он покосился на неё.

— Неправда. Мой стиль — уверенность. Драма идёт бонусом.

Она улыбнулась и отвернулась к окну. Город постепенно редел, камень становился светлее, дома расступались. Потом начались холмы. Дорога поднялась выше, открывая светлую землю, виноградники, кипарисы и дома на склонах. Клэр опустила стекло. Воздух пах сухой травой, пылью и солнцем. Адам сделал музыку тише.

— Ну? — спросил он.

Клэр не сразу ответила.

— Пока похоже на место, где люди умеют жить медленнее, чем я.

Он кивнул.

— Это моя программа на ближайшие дни.

— Замедлить меня?

— Да. И посмотреть, что получится.

Клэр наблюдала за его рукой на руле и знакомой сосредоточенностью, которая появлялась в дороге. В нём было что-то от человека, с которым можно ехать далеко. Они остановились на заправке, спорили о музыке, снова ехали молча. Когда Адам поставил ту самую песню, Клэр только закрыла глаза.

— Нет.

— Да, — сказал он.

— Не в Тоскане.

— Особенно в Тоскане.

Он снова запел слишком громко. Клэр покачала головой, но всё равно улыбнулась. Адам нащупал её руку и сжал пальцы, не отвлекаясь от дороги. Во Флоренцию они въехали ближе к полудню. Флоренция встретила их жарой, мрамором и толпой. Люди медленно двигались по улицам, ели мороженое, спорили посреди прохода и фотографировали всё подряд.

Они припарковались не сразу. Дважды свернули не туда. Один раз Адам, стиснув зубы, пропустил маленький скутер, вылетевший перед ними так, будто у него не было ни страха, ни родителей, ни тормозов. Когда они вышли из машины, от камня шёл жар. Всё было красивым до утомления. Они вышли к Дуомо вместе с толпой. У Дуомо Клэр остановилась.

Белый, зелёный и розоватый мрамор складывался в тяжёлую, чрезмерную красоту. Купол поднимался над толпой спокойно, будто всё внизу — гиды, камеры, дети, мороженое — было временным налётом. Адам встал рядом и подождал.

— Ты опять забыла, как моргать.

— Этот город не умеет быть скромным.

— У него нет такой задачи.

Клэр опустила глаза к площади и резким теням. Они обошли собор и свернули туда, где фасады темнели, а красота переставала бить в лицо. Начиналась другая Флоренция — не открытка, а память. У Палаццо Медичи Риккарди Адам рассказывал о семье, которая собрала в одни руки деньги, искусство, политику и страх. Клэр слушала, разглядывая тяжёлый камень фасада.

— Хорошая семья, — сказала она наконец.

Адам покосился на неё.

— Тебя смущает, что в этом городе красота всегда где-то рядом с властью?

— Меня смущает, что власть умела красиво одеваться.

Он усмехнулся.

— Это одна из самых точных вещей, которые я сегодня слышал.

Флоренция цепляла иначе, чем Рим. Здесь красота всё время шла рядом с историей большой, опасной семьи, вписавшей себя в город надолго. К середине дня они устали от жары и толпы. На боковой улице Адам остановился.

— Сейчас нам нужен кофе, тень и место, где никто не будет есть мороженое прямо мне в локоть.

— Это очень конкретный запрос.

— Я человек, уважающий детали.

Они свернули туда, где людей стало меньше. У дверей стояли горшки с травами, а воздух пах деревом. Там Клэр и увидела вывеску. Небольшую. Тёмное дерево, светлые буквы, уже выцветшие от солнца. *Soldani Artigiani del Mobile*. Она остановилась первой.

За стеклом были видны длинный стол, шкаф без дверцы и спинка стула. После сувенирных витрин место выглядело настоящим. Адам подошёл ближе.

— Ну вот, — сказал он. — Место, где мы сейчас задержимся дольше, чем собирались.

Дверь была приоткрыта. Они вошли. Внутри пахло воском, шлифовальной пылью и старым деревом. Свет падал на стол, заваленный инструментами, на полу лежала золотистая стружка. Мужчина у стола провёл ладонью по краю столешницы и только потом обернулся. У него было открытое лицо, тёмные волосы с проседью и широкие ладони человека, давно работающего руками.

— *Buongiorno*, — сказал он.

Адам ответил первым, на своём старательно правильном итальянском. Достаточно хорошо, чтобы начать разговор, и достаточно смешно, чтобы мужчина сразу улыбнулся. Через минуту он уже говорил с ними по-английски:

— Ренцо Солдани.

Ренцо повторил её имя и кивнул.

— Firenze is good city for losing time, — сказал он и сам себя поправил: — And losing plans. Клэр улыбнулась.

— Кажется, это уже происходит.

Ренцо развёл руками. Что и требовалось доказать. Из глубины дома вышел мужчина лет тридцати пяти — выше Ренцо, с теми же тёмными волосами и более собранным лицом. Он остановился у двери, оценил гостей и посмотрел на отца.

— Туристы? — спросил он по-итальянски.

— С хорошими лицами, — ответил Ренцо.

Мужчина усмехнулся.

— Это мой сын. Лука.

Лука кивнул по-деловому, но без холодности. Следом появилась женщина, вытирая руки льняным полотенцем. Светлее Ренцо, мягче лицом, спокойнее в движениях. В ней было что-то неитальянское.

— Моя жена, Оксана, — сказал Ренцо.

Она первой улыбнулась Клэр.

— Вы не итальянцы, — сказала она по-английски.

— Нет.

Оксана кивнула.

— Я тоже не отсюда. Славянка. Давно уже здесь, но лицо всё равно не местное.

Ренцо фыркнул так, будто слышал это сто раз и каждый раз считал удачной шуткой. Оксана была красивой взрослой красотой, в которой уже не осталось хрупкости. Светлые глаза, низко собранные волосы, тёмное платье, светлый фартук. Она умела удерживать пространство, не занимая его громко. Они остались дольше, чем собирались.

Ренцо показывал старые комоды, столы, стулья, резьбу. Лука говорил меньше и точнее — о дереве, возрасте вещей и работе. Адам слушал с настоящим интересом.

— Это семейное дело? — спросил Адам.

— Всегда, — ответил Ренцо. — Мой отец. Потом я. Теперь Лука. В Италии, если семья делает что-то хорошо, она старается не портить традицию.

— И старается не убить друг друга в процессе, — добавила Оксана.

Лука усмехнулся, не поднимая глаз от ящика.

— Это сложнее.

Они задержались до вечера. Когда Ренцо позвал их за стол, отказать было невозможно. Они согласились. Флоренция начала открываться ей через людей. К вечеру они выехали из Флоренции в сторону Понсако. За городом дорога пошла через холмы, виноградники и узкие полосы кипарисов. Понсако оказался небольшим и тихим: светлая штукатурка, зелёные ставни, горшки с розмарином у дверей.

Ренцо встретил их так, будто они были давними знакомыми, которые просто задержались по дороге. Оксана ждала у дома. Во дворе стоял длинный стол: белая скатерть, вода, вино, хлеб, блюда под полотенцами. Лука появился позже. Даже без рабочей одежды в нём оставалась мастерская — те же руки, та же собранность. За столом все говорили, перебивали и смеялись. Ренцо был громче остальных, Лука вставлял короткие замечания, Оксана одним движением удерживала весь ритм.

Клэр сначала просто наблюдала. Ренцо наливал Оксане вино раньше, чем она протягивала руку. Лука пододвигал отцу хлеб, не отвлекаясь от разговора. Оксана машинально поправляла нож у его тарелки. Они спорили по-итальянски все сразу, а через секунду уже смеялись. У Солдани дом, работа, семья и вечер были сплетены в одно.

Ренцо, уже заметно повеселевший, рассказывал Адаму, что мебель всегда вопрос характера. Дерево чувствует, когда человек спешит. Плохой мастер хочет закончить вещь. Хороший хочет понять, какой она должна быть. Лука слушал с выражением, в котором одновременно

были уважение и усталое знание, что эту речь он слышал не первый раз. Оксана заметила улыбку Клэр.

— Он повторяет это двадцать лет. Раньше слушала я одна.

Ренцо развёл руками.

— А теперь у меня международная аудитория.

Лука покачал головой и отпил вино.

— Осторожно. Ещё немного, и он начнёт читать лекции туристам прямо на улице.

— Если бы они умели слушать, я бы читал, — ответил Ренцо.

Клэр смеялась вместе с ними, но больше всего её цепляло, как эта семья живёт рядом: шумно, тесно, без гладких интонаций и холодной дистанции. Оксана сидела напротив. В её манере слушать, пока мужчины говорили громче, чем нужно, оставалась спокойная славянская собранность. В какой-то момент, когда Ренцо, Адам и Лука обсуждали дерево и старые заказы, Оксана наклонилась чуть ближе.

— Вам у нас нравится? — спросила она.

Клэр задумалась.

— Очень, — сказала она. — У вас всё... живое.

Оксана улыбнулась без лишнего удивления.

— Это хороший способ назвать шум.

— Нет, — сказала Клэр. — Я не про шум.

Оксана помолчала. Похоже, поняла. Позже Лука вынес ещё вино. Смех стал громче, тени от жестов двигались по стенам, из соседнего окна доносилось радио. Всё было таким живым, что Клэр временами становилось больно. Не от чуждости. От узнавания.

Клэр слишком хорошо знала, сколько стоит такая открытость. Адам сидел рядом и выглядел здесь естественно. Слушал Ренцо, спрашивал Луку, улыбался Оксане. Один раз коснулся коленом её колена под столом. Клэр ясно поняла, что ей нравится. Не Италия как открытка, не свет и не вино. А простое человеческое «вместе».

На следующее утро вчерашний стол помнился плотнее, чем соборы и площади: голос Ренцо, руки Луки, спокойное лицо Оксаны. Во Флоренции они провели ещё несколько часов без желания успеть всё, потом забрали вещи и поехали дальше. Париж встретил их дождём. Сначала небо стало ниже, потом на стекло легли капли. Такси шло вдоль Сены, и мокрый город собирался в одно размытое полотно. Отель был на тихой улице недалеко от Латинского квартала. Внизу горели окна кафе, люди курили под навесами и смеялись, не обращая внимания на дождь.

Париж не собирался ничего объяснять. Держал дистанцию — и этим притягивал. Вечером они вышли под мелкий дождь. Улицы блестели, фонари дрожали в лужах, на углах пахло кофе и хлебом. Они шли вдоль Сены и иногда молчали. В Париже молчание между ними стало глубже. Тепло уже не нужно было удерживать словами.

Они прятались в маленьких кафе, делили десерт, стояли на мосту и смотрели, как вода уносит свет. Париж делал даже сырость частью своего характера. Адам здесь стал тише. Чаще касался её рукой, поправлял мокрые волосы, притягивал ближе на тесных улицах. В один из последних вечеров они сели у окна маленького ресторана. За стеклом шёл дождь, на столе дрожал свет свечи. Клэр запомнила тёмную столешницу, мокрую мостовую, пальцы Адама на бокале и его знакомое лицо напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.